Литрес Классика

Николай Лейкин

ЦВЕТЫ ЛАЗОРЕВЫЕ

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

Николай Лейкин

Цветы лазоревые

«ЛитРес»

1885

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)1

Лейкин Н. А.

Цветы лазоревые / Н. А. Лейкин — «ЛитРес», 1885

Ироничный сборник мастера отечественного бытописания открывает галерею колоритных образов старой России. Купцы, чиновники и мещане попадают в курьезные ситуации, запутываясь в сплетнях, суевериях и мелких интригах. Острая и легкая сатира метко высмеивает пороки общества, остающиеся актуальными и сегодня.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)1

© Лейкин Н. А., 1885
© ЛитРес, 1885

Содержание

От станции до усадьбы	5
У постели больной	9
У бабушки в Новый год	11
В кондитерской	13
Сватовство по новому способу	15
Кое-что о разводе	17
Семейка	19
Именины старшего дворника	22
В Варварин день	25
Актрисничать хочет	27
Рассказ земляка	30
У старшего дворника	32
Новожены	34
Родственники на блинах	43
В Палкином трактире	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Николай Александрович Лейкин
Цветы лазоревые
Юмористические рассказы

От станции до усадьбы

Поезд медленно подкатил к платформе станции. Сквозь протаину замерзшего окна вагона виднелись на платформе жандарм и суетившийся начальник станции в красной фуражке. Сторож тотчас же дал звонок.

– Станция Климово! Поезд стоит три минуты! – крикнул кондуктор.

Под вагонами зазвякали молотки, пробующие чугунные колеса. Я забрал саквояж и плед и вышел из вагона. Около станционного дома уже ждали седоков окрестные мужики, приехавшие в санях на своих брюхатых лошаденках.

– В Бабурино!

– Два с четвертачком положьте, сударь, – отвечал мужик в рваной шапке, из которой местами выглядывала вата.

– Да ты никак с ума спятил! За что?

– Как за что… помилуйте! Ведь до Бабурина у нас отселева четырнадцать верст считается, а ежели ехать через Казаковку, то и все семнадцать.

– За два рублика садитесь, – предложил другой мужик.

– Одер! Чего ты цену-то сбиваешь! А еще седая борода выросла… – попрекнул его первый мужик. – Ведь в Бабурино надо ехать объездом. Там теперь в речке вода выступила около плотины.

– Барин! Дайте рубль восемь гривен… – крикнул третий мужик. – У меня лошадь хорошая. Живо доставлю.

– Рубль… – сказал я.

– За рубль шесть гривен садитесь! Рубль сорок!.. Дайте рубль тридцать копеек! Не жалейте двух пятиалтынных, – раздавались голоса мужиков.

– Ну, двадцать копеек я прибавлю.

– Садитесь… Эх, была не была! – махнул рукой мужик. – Разве уж только по дороге попотчуете ради морозцу. Иззябли, сударь, стоявши.

Я влез в сани и уселся на куль сена. Мужик приткнулся к облучку, и мы поехали по рыхлому снегу. Лошаденка звенела бубенчиками.

– Орясина! Эка оглобля лысая! За рубль двадцать сажает! – ругались вслед мужику товарищи.

– Дайтесь, лайтесь, черти! Пусть лаются, анафемы, – спокойно отвечал он. – Там седок-то только один и остался. С этим поездом двое приехали: вы да управляющий из Кузминки. Управляющего не посадишь, так и жди до вечера, пока вечерний поезд придет. Здесь налево, ваше благородие, кабак… Прикажете остановиться у елочки?

– Нет, нет… пошел дальше… Что за глупости! Только отъехали – сейчас уж и в кабак…

– Так что за беда? С места-то тронувшись и выпить. А водка здесь, ваше степенство, хорошая, сладкая…

Я промолчал. Елку проехали.

– Вы к кому ехать-то изволите в Бабурино? – спросил мужик.

– Усадьбу посмотреть. Там усадьба продается.

– Тут у нас, сударь, все продается… Верст на сто в окружности на каждое место покупателев ищут. Стало быть, у жида покупать будете?

– Да нешто он жид? Ведь он немец.

– Жид без подмеса, даром что в спиньжаке ходит. Даже и воняет от него жидом… Помилуйте, тут у нас все жиды. Все усадьбы жиды скупили, все пустоши, все леса. Вот уж лет пять с ними маемся. Приехал сначала один жиденок из Питера и купил лес у господина Рыдванова, а там и пошло, и пошло… Как саранча нахлынули. От Питера-то недалеко, всего четыре часа езды, так вот им и способно орудовать. Купит усадьбу, лес вырубит, сад вырубит, а потом и продает. Одну усадьбу продаст – другую купит. Так и барышатся в эдаком направлении… – рассказывал мужик и умолк. – Смотрите, сударь, как она, проклятая, сворачивает, – сказал он и указал кнутом на лошадь. – Сама сворачивает.

– Куда сворачивает-то? – спросил я.

– А тут у нас опять кабак. Вон, полштоф на шесте торчит – это кабак и есть. Любишь, подлая, около кабака постоять! – ласково крикнул мужик на лошадь. – Ведь вот, сударь, скотина она, а удивительно, какие большие смыслы насчет кабака имеет. Очень уж она привычна насчет этого самого… Прикажете остановиться?

– Нет, не надо… После… Успеется еще…

– Водка-то уж здесь больно хороша. Огонь… Да и целовальник – мужик очень ласковый.

– Русский?

– Кабатчики здесь все русские. А вот усадьбы – все в жидах. Сейчас мимо мельницы поедем – тоже жидовская. Даве вот кузня была – и у кузни жид арендатель. Он и хлеб мелет, и под залог разной вещии деньги дает. Господа-то ведь у нас здесь все продались, дотла продались. Сегодня мы, сударь, к себе вечером охотников ждем. Медведь тут у нас поднялся и бродит. Вот вашу милость в Бабурино доставлю, лошадь выкормлю – и опять на станцию потрафить надо. Охотников поджидать будем. Те господа ласковые, около каждого кабака останавливаются. Как кабак – сейчас: стой во фрунт! Наши лошади оттого всю эту команду и знают.

– Чья эта каменная усадьба налево? – указал я на развалившиеся строения.

– Тоже жидовская. Моисеем Абрамычем он прозывается. По летам сам здесь со своими жиденятами существует. И супруга у него жидовская подобрана, мадам Суркович прозывается… Глазастая такая… Начнут, это, они в речке купаться… – Мужик прервал разговор, задергал вожжами и начал хлестать лошадь кнутом. – Что, подлая! Захотелось? Я тя пройму, я тя дошкурю! – говорил он.

– Что такое случилось?

– Известно что. Опять кабак… Ну и сворачивает. Она уж без этого не может. Конь понятливый… Охотники ее в лучшем виде приучили.

– Однако у вас и кабаков же!..

– Страсть. В здешней волости сорок два кабака… И все торгуют на славу. Ежели прикажете, то мы свернем.

– Да ведь будет еще кабаков-то.

– Как не быть… Тут у нас по дороге что ни плюнь – все кабак. А только я к тому, что тут и пивка у целовальника для вашей милости достать можно.

– Какое теперь пиво в эдакую холодину!

– Пиво греет. Оно пуще полушубка греет. С него не зазябнешь.

– Ну его… Пиво приятно после еды.

– Так-то оно так… А я думал, ваше благородие, просто для штуки сдействовать, чтоб ум лошадиный доказать. Сейчас бы вы мне сказали, чтобы остановиться у кабака, а я вожжи брошу, скажу: ну, Васька, исполняй свою правилу! И вот увидите, как она ловко к крыльцу подбежит.

– Нет, уж мы лучше около одного из следующих кабаков на этот фокус посмотрим. Налево-то это что за здание?

– А это жидовская фабрика. Жиды жестяную посуду делают. Тоже усадьба когда-то была, да вот молодой граф Чеканов жиду за долги отдал. Тут и сад сзади-то был. Большущий сад… Деревья двоим и не обхватить… А вот теперь все вырубили. Жид вырубил да кабатчику продал, а энтот в Лупашове постоялый двор выстроил да два кабака новых в Кузминке. Тут целое гнездо жидовское. Есть и в спиньжаках, есть и в мурмолках. Кабатчик наш – он вон у Рождества церковный староста – одного ихнего выкрестил в нашу веру, так что злобы-то было – страсть! Убить сулились. Жиденок так и жить не мог… Взял и уехал в Питер. А теперь супротив кабатчика целая война идет. Хочет он, к примеру, шкуру у мужика купить, а жид навернется и цену набьет. Начнет он приторговываться к овсу, а жид тут как тут. Глядишь – и овес за жидом остался. Теперь, в отместку ему, хотят кабак близ его кабака строить. Нам-то оно, конечно, хорошо: чем больше кабаков, тем лучше. А кабатчику – неважнец. Жидов, сударь, в здешнем месте раздразнить – беда! Вот он раздразнил, а теперь страдает. За веру страдает, потому – ты уж там как ни вертись, а кабак жиды выстроят. Им ежели кабак выстроить, то они летом от одних своих косарей сыты будут.

– От каких косарей?

– А от таких, что эти самые жиды луга тут имеют, сено косят и в казну поставляют, – отвечал мужик и воскликнул опять: – Ну не каторжная ли у меня лошадь? Вот поглядите, что она делает! А все господа охотники…

– Опять кабак? – спросил я.

– Кабак-с… Ничего не поделаешь… – отвечал мужик. – Хоть ты ее зарежь! Уж в здешнем-то месте вы, сударь, прикажите остановиться. Тутошный кабатчик – нам всем благодетель. Когда денег нет – в долг водку дает. Его проминовать как будто и перед Богом грешно.

– Ну, сверни…

Мужик повеселел.

– Вы теперича извольте только на мою тварь посмотреть и полюбопытствовать, что она делать станет, – сказал он про лошадь и опустил вожжи. – Ну-ка, Васька, докажи барину свою умственность лошадиную! – крикнул он.

Лошадь затрусила бойкой рысцой, свернула в сторону и в один момент остановилась около занесенного снегом кабацкого крыльца как вкопанная.

У постели больной

Вдова купчиха Домна Тихоновна Каленова была больна, сидела у себя в спальне на двухспальном ложе, вся обложенная подушками, и охала. Около кровати помещалась на стуле пришедшая ее навестить сестра ее. По комнате от стены к стене, заложа руки под фалды сюртука, ходил сын купчихи – Мишенька, молодой человек лет двадцати пяти.

– Что же это вы, маменька, стонете… Словно вас режет кто или будто кожу с вас сдирает… – говорил сын, морщась.

– Да режет и есть – так как же не стонать-то?.. Вот под этим самым местом словно кто ножом пыряет, – отвечала купчиха.

– Нутренний риматизм самой главной жилы в требухе – вот и все, – сказала сестра.

– А ноги-то отчего опухли? Опять же, с чего меня то знобит, то в жар? – спросила купчиха.

– Ноги у тебя, сестра, от сидения, а знобит – так уж это от лихорадки, – тут ничего не поделаешь. Шутка ли, ты теперича ден шесть как наседка на яйцах… А ты промнись по комнате… Ведь болезнь можно иногда и разгулять.

– Ах, Дарьюшка!.. Уж ежели бы я могла променажи делать, то давно бы в баню сходила да потельдоком на полке в легком паре вымазалась. И как рукой сняло бы у меня всю болезнь. А вот в том-то и горе мое, что, как встану я на дыбы, так меня сейчас к земле и притянет. Словно у меня утроба-то свинцом налита.

– Что же вам, мамашенька, доктор-то говорит? – спросил сын.

– Да ничего не говорит, а только какое-то мычание либо хрюкание… Я ему про ноги – мычит, я ему про озноб – хрюкает, я ему про жар да про попорченность моего нутра, а он опять мычит. Ему что ни говори – у него всегда одно направление.

– Знаменитая известность… Ничего не поделаешь. Такой уж у них порядок. Чем знаменитее, тем больше дурости на себя напускают, – сказал сын.

– Уж и знаменитость! – проговорила сестра купчихи. – Вот мы про него даже и не слыхали.

– Мало ли вы чего не слыхали! А он на Калашниковой пристани так знаменит, что хоть отбавляй. Все купцы-хлебники у него лечатся. К господам он не ездит, потому что и лечить их не умеет, а вот ежели из купеческой нации кто, то в лучшем виде… На купце-то уж он привык. Он только издали взглянет на купца, так сейчас видит, что у него в нутре попорчено.

– Так не оттого ли, Мишенька, он мне и помочь не может, что он только на купце привык? – спросила сына купчиха. – Может быть, он мужской доктор.

– Нет, нет… Он и женщин лечит, а только чтобы непременно она была купеческого звания. Купеческого звания – понимает болезнь, а ежели барин или барыня перед ним – сейчас у него затмение на ум находит. К купеческой натуре привык, – пояснил сын и спросил: – Что же он прописал вам сегодня?

– Да вот что-то в трех бутылках… «Пейте, – говорит, – три раза в день по стакану. Утром из одной бутылки, в обед из другой, а на ночь из третьей». Вот надо пить сейчас, да боюсь пить-то я.

– В каких же это смыслах? Что тут такого страшного?

– А думается мне, что не тараканий ли это настой. Нынче знаменитые-то все вон тараканьим настоем лечат.

– А коли тараканий настой, то смело пей, – подхватила сестра. – Значит, это простое средство. А простое средство всегда пользительно. Только не больно-то любят ученые доктора простыми средствами лечить. Так и этот доктор. Ну станет ли он тараканами лечить!

– Боткин лечит-с, тетенька… – возразил сын купчихи.

– Тот даже живых тараканов дает глотать. А ведь тоже ученость и знаменитая известность. Вы про Боткина-то слыхали ли?

– Нет, не слыхала. А тебе, сестра, вот мой совет: чем тебе у ученых докторов лечиться, пошли-ка ты лучше к нам на Лиговку за Астафьичем. Он доктор из простых, из скрипинских коновалов, а чудеса делает. У подрядчика Смородинова все нутро было кверху ногами повернуто, а Астафьич в неделю всякую кишку ему на место поставил. И чем выпользовал-то! Лошадиной дугой тер да наговоренные корки с арапскими словами есть давал.

Купчиха задумалась.

– То-то я думаю: не переменить ли мне, Мишенька, доктора-то? – проговорила она. – Не взять ли другого какого. А то этот вторую неделю ходит, и никакой через него пользы. Придет, пощупает, похрюкает, лекарство пропишет, мадеры полбутылки выпьет, да и уйдет.

– Уж ежели менять, маменька, то менять не на коновала Астафьича, а на гомеопата, – отвечал сын. – Все-таки, по крайности, новомодность.

– На кого? – переспросила сестра купчихи.

– На гомеопата. Тут уж можно без всякой боязни.

– Это что же такое?

– А такой доктор, который ничем лечит. Таких теперь много развелось.

– То есть как же это так – ничем?

– Очень просто. Придет, пощупает, деньги возьмет и скажет: уповай на Бога.

– Это из духовенства, что ли?

– Нет, из немцев, как быть следует. Ведь у каждого доктора своя сибирь. Обыкновенные ученые доктора так лечат, чтоб чем больше лекарством напичкать, тем лучше, а гомеопаты на свою собственную модель – они ничем лечат. Уповай – вот с тебя и довольно.

– Да они ученые или простые?

– Нет, не ученые, а только из немцев. Из простых немцев. Кто часовых дел мастер, кто портной, кто слесарь… Науки они не знают, а своим умом дошли до всего этого, – старался пояснить сын.

– Ну, все-таки, они что-нибудь нюхать дают, что ли? – спросила купчиха.

– И нюхать не дают.

– Так, верно, словесами таинственными заговаривают…

– Ни боже мой, никаких слов. А только ежели уж человек умирает, то дадут ему вот эдакую маковую крупинку чего-то и скажут: вот тебе, раскуси надвое и съешь половину утром и половину вечером. А крупинка маленькая такая… Ну, одно слово – маковое зерно. И ежели больной человек может эту крупинку пополам раскусить, то жив останется, а не может и всю проглотит, то сейчас же умрет.

– Фу, какое лечение страшное! – махнула рукой купчиха. – Нет, я такого доктора не хочу. Лучше уж я за Астафьичем на Лиговку пошлю.

– Да ведь вам гомеопат такой крупинки, маменька, не даст, потому вы, слава богу, не при смерти… А он придет и только скажет вам: уповай на Бога. Уж от этого ничего не сделается.

– Сестра! Как ты думаешь, послать?

– Мой совет: за Астафьичем пошли.

– Ну, так я и за Астафьичем пошлю, да и за немцем, который ничем лечит. Да и мой-то доктор пускай меня пользует. Втроем-то уж они меня наверное выпользуют, – закончила купчиха.

У бабушки в Новый год

На темном и маленьком дворе многоэтажного каменного дома на Литейной улице, у подъезда надворного флигеля стоит карета с гербами на дверцах, трое щегольских саней с пузатыми кучерами на облучках и двое извозчичьих саней. На двор въехали еще сани с запряженным в них дорогим рысаком. Из саней выскочил офицер в парадной форме и направился в подъезд довольно сомнительной чистоты лестницы. Он позвонился у дверей второго этажа. На дверной медной дощечке было вырезано: «Княгиня Ксения Петровна Галикова». Пришлось повторить звонок. Ему отворила старуха в коричневом шерстяном платье и в чепце, из-под которого выглядывали совсем седые волосы.

– Граф Владимир Дмитрич… – проговорила она, пятясь в прихожую. – Так, кажется, я называю вашу милость? С Новым годом, ваше сиятельство.

– Так, так, Марьюшка. И тебя также с Новым годом… – отвечал офицер, сбрасывая с себя шинель. – У! Да у вас сегодня целый съезд!.. – сказал он, смотря из прихожей в маленькую гостиную, где виднелись генерал в ленте, несколько офицеров в парадной форме, камергер в мундире и два-три воспитанника военно-учебных заведений.

– Все, все собрались поздравить… Пожалуйте…

Офицер, позвякивая шпорами, влетел в гостиную и направился к очень древней, совсем сморщенной маленькой старушке, сидевшей в широком кресле. Старушка была в шелковом ватном капоте, но, невзирая на это, ноги ее были окутаны шалью. Голову ее украшал белый чепчик с целым ворохом мелких рюшей и темно-лиловых бантиков.

– С Новым годом, бабенька! – сказал офицер, целуя у старухи руку.

– Спасибо, спасибо, что вспомнил меня, старуху, – отвечала та, слезливо моргая глазами. – Вот все собрались сегодня, все… Очень рада. А то ведь забыли меня. Никто… Только отец Кирилл иногда… Ну, что же?.. С чем тебя поздравить? Что получил к Новому году? Хвастайся…

– Да еще ничего, бабенька… Я недавно служу.

– А ты старайся, старайся, чтобы тебя заметили.

– Буду стараться, бабенька, – отвечал офицер, пожимая руки всем присутствующим и поздравляя с Новым годом.

Все присутствующие были племянники и внуки старушки-княгини.

– Маша! Да скоро ли у тебя шоколад-то? – кричала она своей камеристке-старушке, которая отворяла дверь офицеру. – Поторопись, мать моя. Ну, рассказывайте что-нибудь. Вот сейчас шоколад подадут.

– Вы, бабенька, нам что-нибудь расскажите… – послышались голоса.

– Я, друзья мои, только и могу рассказывать, что жить нынче уж очень трудно стало. Ох как трудно!.. Что за ножовый народ нынче стал, так это просто удивляться надо! Вот только одна Маша… Она меня покоит, а все остальное – разбойники какие-то. А все оттого, что вожжи ослабли. Вообрази, Павлуша, – обратилась старуха к генералу, – сегодня только первое число, а уж управляющей два раза за деньгами приходил… И вчера приходил, и сегодня приходил. И некому выгнать. Машенька не может. Она и кричит на него, но толку никакого… Хоть бы ты попугал его хорошенько.

– Да ведь это, ma tante[1], как же… Ведь это… – Генерал крякнул и развел руками.

– Нет, ты пугни. Он тебя испугается. Хочешь, я сейчас пошлю за ним?

– После когда-нибудь, ma tante, после. Вы за прошлый-то месяц платили ли за квартиру?

[1] Тетушка *(фр.)*.

– Нет еще. Но ведь я не сбегу… Я заплачу… Откуда мне взять сейчас? Вот пришлют из деревни – я и заплачу. Из пенсиона я не могу. Велик ли мой пенсион! Опять же, и эти лавочники! Каждый день за деньгами… Пугни ты хоть лавочников-то!

– Пугну, ma tante, пугну… Я нарочно как-нибудь заеду к вам… Мы их созовем всех – я и пугну. А сегодня неловко, сегодня Новый год.

– Да ведь они и сегодня ко мне лезли. Вот и дворники… Подай им за воду. Приходят поздравлять с Новым годом и за воду требуют… Маша им дает три рубля на чай, а они за воду… Все, все… словно сговорились. Ездила я тут к Спасителю на Петербургскую сторону… Брала карету… Приехала и говорю: а за деньгами потом зайди… Так что же ты думаешь?.. Не уходит кучер из прихожей, да и только. Бились, бились – отдали. И то уж Маша ему из своих… Звание не уважают… Как с простой мужичкой… Только отец Кирилл да Маша и услаждают мою жизнь. Вы Машу-то у меня не забудьте… Суньте ей на Новый год.

– Мы уж дали ей, бабенька… – послышались голоса.

– Ну, то-то… Кабы не Маша, то мужики ко мне в комнаты врывались бы… Вот какие нахалы! Посылаю сегодня в сливочную лавку за молоком, чтобы шоколад сварить… Не дают молока. «Деньги подайте». Молока не дают! На что же это похоже! А полотеры? Полотеры меня замучили, совсем замучили… Месяц уже как полов не натирают, а за деньгами ходят. И ведь как нахально…

– Да ведь вы, бабенька, должно быть, за прежние месяцы им не заплатили?

– Не заплатила, но заплачу. Не господа, могут и подождать. Да ведь, в сущности, ежели рассудить, так тут и платить им не за что. Что такое полотеры? Купцы разве они? Товар они мне разве какой-нибудь отпускают? Ведь полы-то им ни копейки не стоит натереть. Только разве маленький кусочек воску… Говорю: «Натирайте». А они не хотят. «Деньги, – говорят, – пожалуйте…» Так и не натерли ни к Рождеству, ни к Новому году. А сегодня поздравлять пришли. Маша насилу их выгнала. Вот и прачка тоже… Это уж совсем мерзавка… Вообрази, Павлуша, она мне даже белья моего не отдает. «Заплатите, – говорит, – деньги, тогда я и белье отдам», – рассказывала старуха-княгиня генералу. – Постращай ты мне хоть прачку-то. Она и теперь в кухне сидит.

– Мы уж порешили, тетенька, все это сделать в один день, в один день и сделаем, – уклончиво отвечал генерал.

Старуха Маша вошла с подносом, на котором стояли чашки с шоколадом и лежали в сухарнице бисквиты.

– Ну, вот по чашечке, по чашечке… – заговорила княгиня и прибавила: – И бисквиты Маша насилу могла из булочной добыть. Не отпускают без денег, да и кончено.

Все взяли по чашке и принялись пить. Княгиня не отставала от генерала.

– Ну когда же, Павлуша, ты приедешь народ-то мне попугать? – спрашивала она.

– А вот как-нибудь на будущей неделе, тетенька. Уж вы не беспокойтесь, я приеду, – отвечал он.

В кондитерской

Время – перед праздниками. Рождество на дворе. В Гостином дворе толпы. Игрушечные лавки осаждаются приступом. Кондитерские битком набиты.

В кондитерскую Жоржа Бормана на Невском вваливается купец в енотовой шубе. Откинув воротник, поднятый кибиткой, купец обчистил бороду и усы от ледяных сосулек и стал озираться по сторонам, стараясь протиснуться между покупателями к прилавку.

– Кириллу Максимычу! – раздалось над его ухом.

Купец в еноте обернулся и увидал другого купца, молодого, с усиками и в шинели на собольих лапках.

– А! Сеничка! Живая душа на костылях! Какими судьбами?

– Тем же манером, как и вы, Кирилла Максимыч. Сел у Глазова моста на желтоглазого и говорю: вези за двугривенный к Борману на Невский.

– Да ведь ты новожен и без приплода, так зачем же тебе елочное удовольствие?

– Новоженам-то, Кирилла Максимыч, к Борману и ездить.

– Или свою собственную законницу елкой потешить хочешь?

– Совсем не тот коленкор-с. Мы к Борману ездим на манер как в аптеку-с: лечебный фураж для супруги возьмем и сим снарядом ее пользуем. Я насчет щиколада-с…

– Это в каких же смыслах?

– А чтобы оным предметом ее откармливать и в тело вогнать. В пансионе ее уж очень заморили, ну, вот мы и стараемся, чтобы на купеческий манер раскормить. Я ведь, Кирилла Максимыч, взял образованную. Они у меня и при фортепьянной игре, и при французском языке. Даже стихи французские читают и гимнастику знают-с. Пение всякое по нотам могут. Ей-богу-с… – рассказывал молодой купец в собольих лапках. – Конечно-с, вся эта образованная эмблема для мужа очень приятна, потому завсегда и перед гостями похвастаться есть чем, но зато от науки этой самой телу большой ущерб вышел. Заморили уж очень в науке-то.

– Зачем же такую брал? – спросил купец в еноте. – Ведь на то глаза во лбу.

– Образование ихнее уж очень прельстило. Вообразите – по-французски стихи так и садят, по нотам всякие цыганские песни поют и сами себе на фортупьяне канканируют. Всякому лестно.

– Что же тут лестного, коли в теле изъян.

– Изъяну, Кирилла Максимыч, в них никакого. Только одно – тощи они очень. Судите сами: эдакую науку в пансионе выдержать! Семь учителей из академии наук их обучали. Кормежка была плохая… Ну и вышли они оттелева девицей во всей своей телесной тонкости и на офицерский вкус…

– Купец, а на офицерском вкусе женился! – подмигнул купец в еноте.

– Позвольте-с… Они хоть и на офицерский вкус, а с хорошим купеческим приданым. У нас, Кирилла Максимыч, губа-то не дура. И с образованием, и при хорошем купеческом приданом! Только телесности не хватает, купеческого вида нет; но купеческий вид мы им в полгода дадим. И вот для этого-то сюда за щиколадом и ездим, – прибавил молодой купец.

– Толокном надо раскармливать, а не щиколадом, – сказал купец в еноте.

– Толокно, Кирилла Максимыч, только брюхо толстит, а для всего тела круглоты не дает. Поверьте совести… Это мне лекаря и коновалы сказывали. Коновалы в этих смыслах даже лучше ученых докторов знают. Вот овсяный кисель – дело другое… Но овсяный кисель, опять-таки, краски не дает. От него тело нагулять можно, но яркости в лице нет, а щиколад бормановский и телу круглоту придает, и лик румянцем подкрашивает. Изволили видеть борманские патреты одной дамы?

Купец вытащил из кармана две хромолитографированные картинки, прилагаемые к шоколаду Бормана, с изображением на одной тощей, как селедка, женщины и на другой – толстой и круглой, как тыква, женщины.

– Вот сия дама до откормления оной щиколадом в таких тощих смыслах была, а на сей карточке оная же дама уже после откормления щиколадом. Изволите видеть, какой карамболь неожиданный с дамой-то вышел! Пуда три весу прибыло. Хоть сейчас в балагане показывать…

– Да ведь это, может быть, все наврано, – усомнился купец в еноте.

– Амфилоха Степаныча изволите знавать?

– Еще бы… Наш же, ярославский. Четырнадцать верст от нас.

– Ну, так вот в таких же смыслах свою законную борманoвским щиколадом раздобрил.

– Неужто и ты будешь под этот же калибер свою законницу подгонять?

– Нет, уж это-то зачем же-с. Нам таких фокусов не требуется, чтобы поднос с чашками могли на груди ставить. А мы добьем до половины этого калибра, как на наш вкус требуется, да и забастуем.

– Каждый день кормишь?

– Каждый день по три раза. Утром, вечером и в обед.

– И охотно она у тебя жует?

– Спервоначалу было принялась в охотку, потому из пансионской-то жизни им было в диво, да женское сословие и вообще всякую сладость любит, ну а потом отставать начала. А я все кормлю да кормлю. Теперь уж претить им стало, а я насильно… Даже строгость легкую пустил. Плачут, а при строгости кушают. Уж теперь об щиколаде и слышать не могут без содроганиев чувств.

– Смотри, не сбежала бы от такой пищи… – сказал купец в еноте.

– Зачем сбежать-с! Ведь они меня любят сердечно и им даже самим лестно своим купеческим видом мужу угодить.

– Польза-то есть ли?

– В теле началась уже значительная подгонка, а из лица пока еще не очень заметно, хотя уже румянец показался. Думал: не надувает ли, шельма, не подкрашивается ли… Потер белой суконкой – краски не сдала. Да ведь тут, Кирилла Максимыч, год кормить надо, а я только с Катерининa дня пользовать ее начал.

– Сколько мучениев-то ей еще придется перенести!

– Ничего не поделаешь, Кирилла Максимыч. Супруг велит, так надо слушаться. А вы сюда тоже за щиколадом изволили пожаловать?

– Мне-то зачем? У меня моя собственная и так на полуторную пролетку не усаживается. Нынче заказал новую двухместную.

– И без щиколада?

– Без щиколада. А я вот зашел сюда ребятишкам елочной сладости купить. Нельзя, брат, нынче без елки. Такая модель вышла, что хоть волком вой, а елку ребятишкам подай! – вздохнул купец в еноте, продвинулся к прилавку и сказал: – Конфеточек бы нам разных с висюлечками фунтика три. Только вы отпустите таких, чтоб животы у ребят не разболелись. А то ведь нынче, говорят, в конфеты-то купорос и серу для цвета подмешивают. Так уж, пожалуйста, без купороса и без серы.

Сватовство по новому способу

У богатой вдовы купчихи Раисы Даниловны Снотворовой «журфикс». Вдова еще очень нестара. Приправляя себя рузановской розовой пудрой, искусно вырисовывая свои бровки карандашиком, она кажется каждому мужчине бабой хоть куда. Умеренная полнота и хороший корсет делают ее очень аппетитной. Вдова не жалеет денег на наряды, держит себя солидно. За ней ухаживает холостой полковник с бархатным воротником – не сегодня, так завтра надеющийся быть генералом. Полковник, услышав раз, как вдова сказала, что она очень любит смотреть, как серебряные висюлечки на эполетах дрожат, стал являться к ней не иначе как в эполетах. У вдовы несколько племянниц, богатых купеческих невест. Они являются к ней каждый четверг на вечер со своими родителями, и это привлекает в дом вдовы многих молодых людей из купеческих семейств. Вдова живет хорошо, «серые» купеческие родственники к ней не ходят. У ней собирается только цивилизованное купечество.

Обычные посетители еще не вполне собрались. Кое-кого поджидают из театра. На двух столах винтят. Вдова, усевшаяся в укромном уголке гостиной, окружена мужчинами и дамами. Полковник рассказывает анекдоты из военной жизни, и, должно быть, очень смешные, потому что время от времени раздается звонкий и веселый смех. А в зале пусто. Там около рояля сидит молодая девушка блондинка и перебирает пальцами клавиши. Около нее молодой человек, сын одного крупного купца-москательщика. Они разговаривают вполголоса. Девушка не смотрит на него и устремила взор на клавиши; молодой человек сидит несколько сзади нее.

– Жениться через сваху, как женится наше серое купечество, – ведь это унижение человеческого достоинства, – говорит он. – Есть ли возможность узнать сердце своей будущей невесты, побывав у ней только раз на смотринах и услышав от нее только несколько фраз! Я, как человек образованный, женюсь только тогда, когда почувствую к девице всю страсть, весь пыл своей души.

– Свахи нынче не сватают, а только уславливаются в приданом, – отвечает девушка. – Задумает молодой человек на какой-нибудь девице жениться – он сейчас и посылает сваху узнать, какое у невесты приданое.

– Но ведь это мерзость! Кто кого полюбил искренно – он должен забыть о приданом. Деньги и прелестная белокурая головка с розами на щечках, с пятнышком на височке – разве это можно ставить рядом! Ведь это готтентотство!

Девушка вся вспыхивает, прикрывает ручкой маленькое родимое пятнышко на виске и наклоняется над клавишами.

– Вы читали письма Луи Блана об Англии? – продолжает молодой человек.

– Нет, не читала. Это роман?

– Нет, не роман, но вроде романа. О, как там он громит современные порядки лондонского купечества, женящегося на капиталах! – врал молодой человек. – Что было бы, если б он познакомился с русским купечеством, ежели бы он узнал русские брачные ряды, где фигурируют расспросы о гранатных бархатных салопах невесты, о чернобурых лисьих мехах, о серебряных самоварах, о самоигральных фортепианах! Мне нравится взгляд на брак философа Огюста Конта… Вы имеете понятие о Конте?

– Нет, я не читала…

– И теорию о капитале Маркса не знаете? У него есть трактат «Брак и капитал».

– Откуда же мне знать…

– О, как он громит денежные расчеты при браке! Он обращается и к девицам, стремящимся выйти замуж только за богачей, пренебрегая влечением сердца, нападает и на мужчин, ищущих в невесте не подругу, а капитал. И Шопенгауэра не читали?

– Я читаю только романы… – тихо отвечает девушка.

– Жаль… Когда вы проникнетесь их идеями – вы получите иной взгляд. Помните, что сказал Виктор Гюго в своей прелестной комедии?

– А что он сказал?

Молодой человек несколько замялся.

– Я не помню его фразы, но он сказал в таком смысле… Как это? Позвольте… Впрочем, я объясню вам примером. Вот, например, ваш папаша дает за вами в приданое каменные бани на Фонтанке… Ведь он дает? – спросил молодой человек и навострил уши.

– Как же может папаша давать за мной в приданое бани на Фонтанке, ежели эти бани и не его, а дяденьки Алексея Григорьевича? – отвечала девушка.

– Вообразите, а ведь я думал, что бани ваши и что они идут вам в приданое…

– Нет, – отрицательно покачала головой девушка и спросила: – Так что же Виктор-то Гюго говорит о приданом?

– А вот сейчас… Но для примера я все-таки должен узнать тот гнусный привесок, который идет в придачу к вашему прекрасному сердцу.

– Папаша дает за мной две лавки в Никольском рынке…

– В Никольском? – переспросил молодой человек.

– Да, в Никольском.

– Это ужас! Положим, что две лавки в Никольском рынке стоят с лишком тридцать тысяч рублей, но разве не варварство – прилагать их к этим прелестным голубеньким глазкам, к этому пурпуровому ротику, к этой грезовской головке! И больше ничего за вами не дают?

– У меня после бабушки пятнадцать тысяч на мое имя положено.

– Пятнадцать тысяч в придачу к ангелу, на которого надо молиться! – воскликнуд молодой человек. – Ведь это поругание святыни, ведь это… Вы возьмите только то: человек чувствует к вам чистую, непорочную любовь, с благоговением прикасается к краю вашей одежды, готов боготворить вас, а тут замешиваются грязные лавки и пятнадцать тысяч засаленными бумажками. Ведь это пошлость, пошлость!

Молодой человек ударил себя в грудь, скривил лицо в горькую улыбку и покрутил головой. Девушка боялась оглянуться и смотрела в стену.

– Что же говорит Виктор Гюго о приданом? – тихо спросила она.

– Простите… Я взволнован… Я путаюсь… Я задыхаюсь от негодования… Ангельское непорочное сердце девушки и лавки в Никольском рынке! Какая пошлость! Простите… А два буксирных парохода? Они не ваши?

– Нет, наши. Но пароходы папаша дает за сестрой Лидией… Ей и дачу…

– Ну, немножко полегче. И больше в придачу к вам ничего?

– По участку леса в Белозерском уезде…

– Боже милостивый! – схватился за голову молодой человек и быстро вскочил с места.

– Что с вами? – спросила девушка.

Молодой человек стоял перед ней с приложенной рукой к сердцу.

– Варвара Григорьевна… – начал он. – Ежели бы я вас не любил тою чистою, святою любовью, которой я люблю, я негодовал бы… Но я боготворю вас… Я готов молиться на вас… Я… я готов принести свою жизнь в жертву за вас… Я люблю вас безумною страстью… Будьте моей подругой на тернистом жизненном пути… Я прошу у вас вашу руку и сердце. Ответьте: «да» или «нет»… Но предупреждаю вас… Ваш отказ при моем твердом характере может подвинуть меня на самоубийство. Я жду вашего ответа.

Молодой человек закрыл лицо руками и смотрел на девицу сквозь пальцы. Она сидела совсем потупившись и перебирала руками складки своего платья.

– Я согласна… Но надо у папеньки и у маменьки спросить, – прошептала она.

Кое-что о разводе

Вечер. Седой старик-купец, остриженный по-русски, очень благообразный, со строгим лицом, обрамленным густой бородою, читал около лампы газету сквозь большие круглые серебряные очки, иронически улыбался и потрясал головой.

– Пожалуйте чай кушать, папенька… Самовар давно уже подан… – сказала старику молодая, красивая невестка, звякнула связкой ключей и направилась в столовую.

– Сейчас идем, – отвечал старик, сложил газету, снял с носа очки и, покрякивая, стал подниматься со стула, на котором сидел. – Все об разводе нынче в газетах-то пишут, все об разводе… – говорил он, обращаясь к сыну, молодому человеку с русой бородкой. – На баб жалуются; жены, вишь ты, мужьям своим не верны стали, полюбовников от мужей заводить начали.

– Да ведь это и взаправду-с… – откликнулся сын. – Ужасти, какую нравственность на себя замужние женщины нониче взяли! Так подчас действуют, что с ними и не сообразишь.

– А кто виноват? Сами мужья виноваты, что сообразить трудно. Слишком много воли дали женам.

– Ничего не поделаешь-с… Современность того требует, чтобы волю давали.

– Врешь… Какая тут современность! Держи жену в строгости – и не посмеет она баловаться.

– Хуже-с… Алексей ли Панфилыч, кажись, свою супругу в строгости не держит? А какие она колена-то супротив него выкидывает! То офицер, то дьякон, то околоточный…

– Что Алексей Панфилыч! Алексей Панфилыч – пьющий человек. Да и когда ему строгостью заниматься, коли он с одново по трактирам мотается?

– Однако же, каждый день от него Марье Потаповне потасовка… Без электрического освещения под глазами она месяца одного не ходит.

– Не в этом сила! – махнул рукой старик. – Пойдем чай пить, – сказал он.

В столовой на столе весело пыхтел самовар. Сели.

– Вам, папашенька, внакладку прикажете? – спросила невестка.

– Знаешь ведь, что первый стакан я всегда внакладку пью, так чего же спрашиваешь, – отвечал старик. – Вот Алена у нас загуливать не станет, коли мы ее в строгости держим, – кивнул он на невестку.

– Зачем же я буду, папашенька, от мужа загуливать, ежели муж меня ужасти как любит? Ведь ежели Марья Потаповна начала от мужа каламбуры на стороне делать, так это оттого, что Алексей Панфилыч сами перестали себя соблюдать и на стороне арфянку завели. Они арфянку, а она околоточного…

Старик нахмурился.

– А вот за эти самые слова, коли бы муж совре менности-то не придерживался, за косу тебя следует, – сказал он.

– За что же-с? Помилуйте… – удивленно раскрыла глаза невестка.

– Как же ты смеешь мужа с женой сравнивать! Мало ли, что муж делает… И какую такую собственную праву имеет жена, чтобы мужу на отместку?..

– Да ведь всякую жену горе возьмет, ежели муж на стороне с другой гуляет.

– Верно. Я мужа и не оправдываю. Женатый человек должен содержать себя солидарно, от посторонних баб отплевываться. Но ежели уж с мужем такой грех случился, а жену горе взяло – то ты проси мужа честью, чтобы он оставил свое баловство, плачь, тер зайся, приласкайся к нему, как следовает доброй жене, прельсти его прелестию и лукавством – и забудет он разлучницу свою. А то вдруг в отместку самой раз лучника заводить! Нет, уж это не модель. За это вашу сестру по головке гладить нечего, а расказнить вас мало.

Молодая женщина заморгала слезливо глазами. Муж подошел к ней и обнял ее.

– Ну, полно, Аленушка… Что ты… Чего ты испугалась? Ведь все эти папашенькины слова не к тебе относятся, а к женам, которые от мужей своих загуливают, – сказал он.

– Верно, – согласился старик. – Но и она должна все это чувствовать и на нос себе мотать. Ты, примерно, поедешь летом в Нижний на ярмарку, а ей вдруг в голову вступит, что ты там гульбу затеял с арфянками, да она и вздумает завести себе друга милого… Тогда что?.. Конечно, у нас этого случиться не может, потому что мы живем все вкупе, не поделимшись, – прибавил он. – Ты уедешь, так я останусь и следить буду… А ежели я умру?.. Так вот, значит, и лучше дело-то, коли она мое наставление послушает.

– Никогда мне ничего этого вздуматься не может, потому я на верность Петра Митрофаныча вот как на эту каменную стену надеюсь… – отвечала молодая женщина и улыбнулась, отерев слезы.

Муж, увидя оборот дела со слез на улыбку, шутливо погрозил жене пальцем.

– Смотри, Еленушка! – сказал он. – Как что услышу про тебя – сейчас разведусь с тобой. Ты ступай в сторону, а я – в другую.

– Врешь, брат, не разведешься, – сказал старик. – Что раз связано, то уже не развергается. Вот оттого-то бабы и балуются, что им разные мысли о разводе внушают. Не развод тут нужен, а запереть спервоначала жену в темную на недельку, а потом из хорошей-то жизни да в черное тело и пересадить впредь до исправления. Была барыней – пусть взаместо кухарки действует. Сидела в чистой горнице с кедровыми орехами в руках – в кухню ступай и возись около печки с ухватом.

Сын вздохнул.

– Так-то оно так, папашенька, а только ежели такой грех с женой случится, то мужу-то после всего этого и глядеть на нее противно будет. Ведь такого грехопадения с ихней женской стороны чувствительному мужу и забыть нельзя, так, стало быть, самое лучшее – паспорт в руки и с глаз долой, на все четыре стороны.

– А ты не допускай до грехопадения. Как завидишь первые коварные улыбки с ее стороны – сейчас и осаживай ее в черное тело. Осадил – тут ей и есть время в размышление о себе прийти. Поверь, с двух недель опалы шелковая будет.

– Нет, папашенька, я с вами не согласен. Лаской надо, ласка лучше.

– Ласка лаской, а строгость строгостью. Знаешь, из-за чего у нас в женском сословии все эти грехопадения теперь завелись? – спросил старик. – Из-за того, что семьи дробиться начали. Как сын женится – сейчас от отца в сторону и кустиком жить. Когда в старину сыновья женатые от отцов не отделялись, и жены у них страх Божий помнили, потому – семья была огромная, каждый друг за другом смотрел и следил, а над семьей старик начальствовал. Во многолюдии заневолю не сблудишь, все на виду. Сидели больше дома, по клубам и театрам не мотались, чужих людей видели мало, так заневолю и соблазна не было. А теперь, как молодые муж да жена, от главного древа отделившись, как два перста живут да по клубам мотаются – так вот и баловство пошло. Муж в лавке или на должности, а жена дома одна – вот у ней сейчас и начинаются мечтания о клубском кавалере. А от мечтаниев и до греха недалеко. А старших-то в доме нет, а присмотреть-то некому. Вот отчего женские-то безобразия у нас начались, – закончил старик, придвинул к невестке свой стакан и сказал: – Нацеди.

– Внакладку или вприкуску прикажете? – спросила она.

– Второй стакан, так уж, знамо дело, вприкуску. Неужто моего порядка не знаешь? – отвечал старик.

Семейка

Небольшая комната о двух окнах с поломанною тяжелою мебелью. По углам паутина, на полу разбросана ореховая скорлупа, на переддиванном столе недопитая бутылка кислых щей и невымытая чайная чашка, из которой пили кофе. На стульях разбросаны где женский сапог, где юбка, где грязные чулки. У одного окна сидит толстая женщина в грязной ситцевой блузе – жена мелкого торговца Мира Терентьевича Переносьева. Она курит папиросу. Голова ее растрепана, сзади торчит косичка на манер крысиного хвоста. У другого окна помещается ее дочка, не менее матери толстая девушка лет двадцати, тоже в грязной и даже местами распоровшейся по швам блузе, и гадает на картах, раскладывая их на подоконнике.

– Загадала на улана, который ко мне в воскресенье на улице пристал, – и черт знает что вышло, – говорит девушка, сбивая карты. – А уж какой хорошенький военный был – просто прелесть!

– Эка дура! Эка бесстыдница! Стыдилась бы говорить-то при матери такие вещи… – бормочет мать, пыхтя папироской.

– Чего ж тут стыдиться? Он пристал ко мне, а не я к нему, – делает гримасу дочь.

– Хороша ты девушка, коли к тебе на улице всякие прохожие пристают.

– Конечно же, хороша, коли пристают. К уродам не пристанут. И наконец, этот военный – не всякий, а офицер.

– Замолчи, срамница… Ведь тебя сестра-девочка слушает, – кивнула мать на девочку лет тринадцати, стоящую перед засиженным мухами зеркалом и показывающую себе перед зеркалом язык.

– Важное кушанье! Лидька хоть и девочка, а, может статься, больше меня про всякие мужчинские интриги понимает, – фыркнула старшая дочь. – Она даже еще вчера, стоя у окна, приказчику из фруктовой лавки сначала ручкой сделала, а потом язык показала.

– Врешь, врешь! Сама ты ему миндальные глаза скосила, – откликнулась девочка.

– Вовсе и не ему, а проходившему мимо казаку. Вольно же было приказчику перед нашими окнами целый день торчать! А какой казак-то премиленький!

– Дунька, молчи! А то вот возьму и пущу в тебя чем ни попадя! – крикнула мать.

– Зачем же я буду молчать, ежели я свои приятные воспоминания делаю!

– Вот наградил меня Бог дочерью-кобылой!

– Только одни ругательства от вас и слышишь.

– Да как же тебя не ругать-то, коли ты такие слова…

– Какие слова?..

– То улан, то казак… Всякому красному околышку на шею вешаешься.

– Не я на околышки вешаюсь, а сами околышки из-за моей красоты ко мне пристают.

– Ежели ты не замолчишь, мерзкая…

– Зачем же я буду молчать? Улан с чем пристал – с тем и отстал; казаку миндальные глаза сделала – и никакого на мне пятна из-за этого не осталось. Вот кабы что-нибудь из этого дальше вышло…

– Верно, надо на тебя наплевать мне, на срамницу…

– Ах, очень даже рада буду, ежели наплюете. И какой спокой тогда…

Водворилась пауза. Мать пыхтела, затягиваясь папироской. Младшая дочь подошла к окну, у которого сидела мать, и стала отковыривать лед, намерзший на стекле. Раздался подзатыльник. Девочка отскочила.

– Что? Съела затрещину? – поддразнила ее сестра.

– Вовсе даже и не больно.

– Зато стыдно.

– Стыд – не дым, глаза не ест. Да чего дразниться? Сунься ты к маменьке, так и тебе то же самое будет.

– Нет, уж я попрошу отца, чтобы он Дуньку арапельником… Подзатыльником ее не проймешь. У ней шкура крепка…

И опять пыхтение вследствие затяжки папиросой.

– Продолжайте… что же вы остановились? – сказала старшая дочь, взглянув на мать.

– Что продолжать-то?

– Да движения своей ругательной машины. Вы выбрасывайте свою словесность, а я послушаю. Ведь вы путного разговора вести не умеете.

– Тебя, дуру, ругать – так в чахотку впадешь. Господи боже мой! Хоть бы пол подмел кто, хоть бы чашку кто прибрал. По стульям чулки да юбки разбросаны… Ну, дочки! Сидят сложа руки да глупости надумывают, а нет того, чтобы по дому делом заняться! – со вздохом проговорила мать.

– Для уборки комнаты кухарка есть, – отозвалась старшая дочь.

– Кухарка тебе же, дармоедке, теперь белье стирает.

– Ну, сами промнитесь со щеткой. Для моциона от жира это даже очень чудесно.

– Вот одер-то ленивый!

– Позвольте этот комплимент и к вам обратно препроводить.

– Хоть дырья-то бы на себе зашила. Вон блуза-то…

– Дома что с дырьями сидеть, что без дырьев… Все равно никто из мужчин меня не видит, – огрызнулась старшая дочь. – Да прежде чем на мою блузу смотреть – вы на свою-то блузу посмотрите.

– Тьфу! Вот тебе… И прими это так, чтобы тебе это в самое дыхало…

– Какой интересный французский разговор с куплетами!

Опять пауза. Старшая дочь достает из кармана сушки и начинает их грызть.

– Вот скука-то! – говорит она, потягиваясь. – С самого утра у окна сижу, и хоть бы один офицер мимо по тротуару прошел! Ну что тут делать?

– Юбки, чулки да сапоги свои со стульев прибрать, – отвечает мать.

– Зачем их прибирать, коли они никому не мешают? Места не пролежат.

– Ну кто тебя, неряху, за себя замуж возьмет! Где такой дурак найдется?

– Бог милостив. Для вас же, неряхи, нашелся и взял за себя замуж, так авось и для меня найдется. Не беспокойтесь. Меня за красоту возьмут.

– Нет, уж кажется, ежели свести тебя на живодерню, а потом на салотопенный завод…

– Зачем на салотопенный завод? Я в благородном собрании себе жениха найду. Мной офицеры интересуются.

– Дивлюсь я, как тебя туда пускают.

– Те же офицеры и билеты дают, которых вы так ругаете. Вы вот говорите, что я одер, а там про меня все слух распространяют, что я красавица. Одного только мне недостает – прикрасы новомодными платьями.

– Море-мор с воробьиных гор на тюник не хочешь ли? Стыдилась бы говорить… Отец бьется как рыба об лед, чтоб и на ситцевое-то платьишко заработать, а она…

– На то он и отец, чтобы биться… Уж такая это отцовская обязанность, коли они дочерей народили. Да что, в самом деле, вы все попрекаете! Не в продавальщицы же мне идти! – возвысила голос старшая дочь.

Опять пауза. Старшая дочка потягивается.

– Вот скука-то! Ну, что теперь делать? Кофию напились… До обеда еще далеко… Сушки грызть надоело… Читать лень, – говорила она.

– Возьми-ка отцовские носки да заштопай у них пятки… – указывает мать.

– Незачем… Носки в сапогах носят, и никто их не видит, – значит, можно и с продранными пятками щеголять. Хоть за подсолнышными зернами послать, что ли? Маменька, дайте три копейки на зерна.

– Это за все те арии, которые ты передо мной здесь распевала? Ах ты дышло, дышло каретное!

– Лидька! Беги в мелочную лавочку и попроси у мелочного лавочника в долг зерен, – скомандовала младшей сестре старшая сестра. – Тебя мелочной лавочник знает. Он даст тебе. Сколько принесешь – половину тебе отдам.

– Не смей, Лидька! – крикнула на девочку мать. – Пусть Дунька сама к лавочнику бежит.

– Я? Чтоб я стала с лавочником разговаривать?.. Да вы, кажется, совсем в уме рехнулись. Ко мне офицеры как мухи льнут, а я перед необразованным предметом буду унижаться!

– Лидия! Поди и завари мне в кухне кофию… – говорит, в свою очередь, мать. – Кофеишку с горя от такой дочери напиться, что ли…

Девочка выставляет матери язык.

– В лавочку не отпускаете, так и кофию вам заваривать не хочу, – отвечает девочка.

– Ах ты мерзкая! – восклицает мать. – Ну, уж только счастлив твой Бог, что мне с места подняться лень, а поймала бы я тебя за косу, так показала бы я тебе! Дуня! Натрепли Лидии уши.

– Вот еще что выдумали! Нешто я вам в палачи досталась? Деритесь сами, коли вам такие пейзажи нравятся.

– Уж кабы мне не лень, давно бы я и тебя поколотила. А лень мне.

Опять пауза. Старшая дочка встала с места, сбросила с себя блузу и начала надевать платье.

– Куда ты? – спросила мать.

– Одурь взяла. Пойду по Гостиному двору помотаюсь. Авось знакомых офицеров из благородного собрания увижу. Билетик у них на танцевальный вечер попрошу.

– Дунька! Не смей уходить…

– А вы дорогу загородите. Что так-то кричать?

– Лидька, запри дверь на лестницу и принеси мне ключ!

– Э-э…

Девочка показала матери язык.

– Ну что ж это такое! – всплеснула руками мать. – Завтра же я тебя, Лидька, в модный магазин в ученье за твое ослушание…

– А я сбегу от хозяйки.

– Сбежишь, так выпорют.

– А я утоплюсь.

Старшая дочь подошла к матери, одетая в пальто и шляпку, сделала ей ручкой и сказала:

– О ревуар, до приятного разговора.

– Не смей! – кричала мать.

– Офицерам-то от вас кланяться, что ли?

– Дунька!

Но старшая дочь была уже на лестнице.

Именины старшего дворника

Николин день. Вечер. Старший дворник Николай Данилов справляет «престол» по деревне и день своего ангела. Небольшая комната, треть которой занята русской печкой, переполнена гостями. За ситцевым пологом, на кровати попискивают сложенные туда грудные ребята, принесенные с собой гостьями. Сама дворничиха тоже с грудным ребенком у груди. В ее распоряжении только правая рука; ею она наливает гостям в рюмки и стаканы водку и пиво. Упрашивая, чтоб пили, дворничиха то и дело восклицает:

– По рукам, по ногам связал меня ребенок! У людей младенцы как младенцы, лежат себе смирнехонько на постели да покрякивают, а у меня из рук выпустить нельзя. Как положишь, так и заорет благим матом. Кушайте, гости дорогие, груздочков-то да рыжичков… Грибки отменные. Это мелочной лавочник Данилычу взаместо чашки именинной поклонился.

– Да попробуй ты попоить ребенка-то водкой – он и уснет, – советует городовиха, толстая, в чепчике с помятыми лентами и цветами. – Намочи булку вином да в соску – и распречудесное дело.

– А и то попробовать, – соглашается дворничиха. – Верите ли, ведь смучил он меня. Не идет от груди, да и что ты хочешь.

Гости сидят за столом, уставленным питиями и яствами. Тут пирог с капустой и пирог с черничным вареньем, на тарелках соленые грибы, селедка, мятные пряники и мармелад. Стол и подоконник уставлены бутылками пива и водки. На почетном месте, под образами, сидит городовой, рядом швейцар в ливрее. Подалее два лакея во фраках и белых жилетах играют на медные деньги в орлянку. Какие-то две бабы возятся около самовара, раздувая его хозяйским сапогом. У окна приютился солдат в гвардейском мундире нараспашку, плюет в колки гитары и налаживает струны. Тут же повар с поварихой. Повар лезет через стол к городовому и говорит:

– Емельян Трифоныч… Я так полагаю, что господа теперича ни шиша не стоят… Купцы главное… Как вы чувствуете?

– Купец на первом планте – это действительно, – отвечает городовой. – Теперича барин обнищал. Он только одни неприятности может делать.

– Правильно, – подхватывает дворник. – Барину нониче грош цена. Возьмем праздник – Новый год… Купец – три рубля, а барин на полтине норовить объехать.

– Лучше купца и содержанки на этот счет нет… – прибавляет швейцар. – Кабы у меня по лестнице одни купцы с содержанками жили, то и умирать не надо.

– Постой… – возвышает голос городовой. – Окромя всего прочего, барин кляузе заводка… Из-за них вся интрига… Теперича, ежели взять мирового судью… В каких смыслах у него разборка дел?.. Все господа судятся… Не будь барина – спокой. Офицер тоже нашего брата много тревожит.

– Емельян Трифоныч… Позвольте… Кабы мастеровой народ уничтожили – вот где спокой-то бы был.

– За что на нас такая критика? – послышался пьяный голос около печки, где на лавке полулежал, уткнувшись головой в баранью чуйку и шапку, пиджак с всклокоченной головой. – Коли я столяр, какую такую вы имеете праву?..

– Лежи, лежи, коли уже вино подкосило! – крикнула баба, суетившаяся около самовара, и погрозила кулаком.

– Нет, ты постой… Мастерового человека я не согласен, потому… Петр Великий как любил мастерового человека!

– Верно, верно… От мастерового человека больших препон нет, – согласился городовой. – Мастеровому человеку вдарил по шее – он и молчит. Забунтовал – волоки его в участок.

– Однако ты, брат, участок, иди-ка к себе на угол становиться, – напоминала городовому городовиха. – Сейчас пристав пойдет в обход.

– Врешь… Пристав еще через час… Вот ежели околоточный – так и тот у портерщика на именинах.

– Смотри, Емельян Трифоныч, будет тебе нахлобучка.

– Дура! Да нешто я не мог с поста за подозрительным человеком во двор зайти? Вот и вся механика…

– Врешь, врешь… Коли подозрительный человек во двор вошел – твоя обязанность к дворнику звониться. Иди, иди… А то Николин день, на улице столько пьяных, а ты…

– Иду, иду… Вот пристала-то словно банный лист… – поднялся с места городовой.

– Не пущу, не пущу без чаю с ромом… – заговорил дворник.

– Чудак-человек! Да ведь я приду потом… Пристав пройдет, я и приду… Без четверти в девять он на нашем угле бывает, ну а вот теперь четверть девятого… Прощай… Компании почтение.

– Господин городовой! Дайте с руки хоть копейку полицейского счастья, – сказал один из лакеев. – Говорят, полицейское не горит, не тонет! Совсем проигрался. На отыгрыш прошу.

– Получай две копейки.

– Мерси… Отыграюсь – пара пива за мной.

Солдат настроил гитару, заиграл и запел:

Ни папаши, ни мамаши,
Нету дома никого,
Нету дома никого,
Полезай скорей в окно.

Пьяный лежал в углу и вдруг заорал совсем не в такт:

– Пропадай моя телега, все четыре колеса!

– Тише ты, полоумный! Чего ты деликатность-то портишь! – крикнула на него баба.

– Мастерового человека обидели – не могу.

Дворник и швейцар провожали городового к дверям.

Распахнулась дверь на лестницу, и холодный воздух, ворвавшись в тепло, клубами закрутился по комнате.

– Действительно, купец теперь выше всякого графа стал, – все еще продолжал разговор дворник. – Вот у нас по угловой лестнице… Граф Дербадовский занимает квартиру в пять комнат и по рублю в праздник дворникам дает, а под ним купец Разносов в двенадцати комнатах существует – и синицу отваливает; так кто выше-то: граф или купец?

– Емельян Трифоныч!.. Вернешься сюда опять, так захвати из фруктовой лавки Николаю Данилычу в именинное поднесение виноградцу! – кричала городовому городовиха.

В дверях показалась кухарка. Она держала в руках форму заливного.

– Люди из гостей, а мы в гости… – затараторила она. – Уж извините, Николай Данилыч, раньше и управиться не могла. – Ведь у нас хозяева совсем подлецы… чем больше у Бога праздник, тем хозяйка больше стряпни по кухне заказывает. С ангелом! Вот уж это вам позвольте взаместо чайной чашки в день именин. Формочку рыбки заливной… Самые лучшие кусочки отобрала и залила.

– Да не студите вы комнату-то! Ребят простудите! – кричала дворничиха и начала целоваться с кухаркой.

За кухаркой ввалилась горничная с завитками на лбу и в шелковом платье.

– Фу! Как здесь накурено-то! Словно немецкий клуб! – возгласила она. – С ангелом, Николай Данилыч… А вас с именинником…

Скинь мантилью, ангел милый,
И явись как Божий день… —

запел солдат.

– Это вы мне? Мерси вас, – сказала горничная, сняла платок с плеч и села.

В Варварин день

Утро 4 декабря. Шурча шелковой юбкой платья, только что вернулась домой от ранней обедни купеческая жена Варвара Федуловна Люнючева. В руках она держала просвиру.

– Бог милости прислал… – сказала она встретившему ее мужу.

– С ангелом… – проговорил муж, чмокнул жену в щеку и подставил ей свою щеку.

– Можешь ты себе представить: как ни билась, а ведь пришлось батюшку отца Кирилла вечером к себе позвать! Подхожу после молебна к кресту приложиться, а он подает мне просвиру и поздравляет с ангелом. Подает просвиру, а сам говорит: «Приду, приду, беспременно приду вечерком после всенощной у именинницы по маленькой сразиться». Что тут делать? Ну, разумеется, сейчас: «Милости просим, батюшка»… Ведь не сказать же: нет, мол, не приходите.

Муж почесал затылок.

– Делать нечего, надо будет посылать на садок за мороженым судаком, – сказал он. – Отварить его к ужину, что ли… Ох, не по нынешним временам гостей-то звать! Судаки-то вон гдовские восемнадцать копеек за фунт.

– Так меня этот отец Кирилл расстроил, так расстроил… – говорила жена. – Ведь на одном судаке не отъедешь. Надо леща чиненого жарить.

– Вот тебе, Варвара Федуловна, тут на платье двадцать аршин, – подал муж пакет. – Материйка-то она немного позавалявшись, даже чуточку мышами погрызена, но у своей-то именинницы сойдет. Не хотел ничего тебе дарить по нынешним тугим временам, да так уж… Все равно в лавке пришлось бы этот остаток за ничто продать…

– Ведь и Катерину Петровну с мужем пришлось позвать на чашку чаю… – прибавила хозяйка. – И он, и она были у ранней обедни. Дочка у них, Варенька – именинница, так причащали. Вместе и ко кресту прикладывались. Я отцу-то Кириллу говорю: «Милости просим», а она сзади стоит. Ну и ее пришлось позвать.

– Ну, уж это напрасно. Отец духовный – еще туда-сюда… А посторонних-то лиц зачем же приглашать?

– Да я, собственно, из-за мужа Катерины Петровны. Кто же иначе с отцом Кириллом в преферанс-то будет играть? Ты да отец Кирилл. Вдвоем нельзя… А вот теперь третий – Варсонофий Степаныч.

– Матушка, да ведь мы никого не хотели звать, а ты вдруг… Икра-то паюсная вон – рубль сорок копеек… Брал за рубль двадцать, а теперь рубль сорок.

– Для Катерины Петровны надо будет хоть яблок и винограду на десерт купить. Кроме того, она ром от живота пьет, – сказала жена.

– Ну, вот видишь… Ром, виноград, яблоки… Эх! – вздохнул муж.

– Пойдем чай-то пить. Чего уж тут!.. Именинница без расходов не бывает.

В столовой встретилась кухарка. Она несла сладкий пирог.

– От Глеба Иваныча Густомесова прислали. Кланяются и поздравляют с ангелом.

– Ну вот и этот!.. – воскликнул хозяин. – Неужели и его звать вечером?

– Пирог от него берем, так уж, само собой, пригласить надо, – отвечала именинница.

– Там посланный от Глеба Иваныча дожидается, – сказала кухарка.

Хозяйка выскочила в кухню. Стоял дворник.

– Кланяйся, благодари и проси Глеба Иваныча и Еликониду Гавриловну к нам вечером чаю откушать. Запросто, мол, никого не будет… – говорила хозяйка посланному.

Дворник переминался с ноги на ногу, вопросительно глядел и чесал затылок.

– На чаек, что ли? С Васильевского острова шел, сударыня.

– Мирон Мироныч… Дай мне двугривенный. Дворнику Глеба Иваныча на чай надо дать!.. – крикнула хозяйка мужу.

– О, чтоб вас!.. И хозяев в гости зови, и дворникам их на чай давай! Возьми.

Хозяйка вернулась из кухни.

– Ну, теперь, по крайней мере, вас будет четверо для преферанса, – сказала она мужу. – Ты, отец Кирилл, Глеб Иваныч и муж Катерины Петровны. Я Глеба-то Иваныча с супругой звала. Нельзя звать мужа и не звать жену.

– Да ведь уж это пять человек, а мы не хотели никого звать.

– Нет, не пять, а шесть, даже семь. Вчера я еще Онисима Николаевича с женой звала. Зашла я в булочную к Филиппову, а он там. Прямо подходит ко мне и говорит: «С наступающим ангелом, сударыня. Хоть уж вы и не зовете к себе, а завтра вечерком к вам забегу на чашку чаю». Ну что тут было делать? Сказала: милости просим. А он уж ежели прийти, то придет с женой.

Звонок. В прихожей послышался возглас:

– Где именинница-то? Веди, веди к имениннице-то!

В столовую влетел средних лет мужчина с бакенами и со сладким пирогом в руках.

– С ангелом, Варвара Федуловна… С именинницей, Мирон Мироныч… – заговорил он. – Вот-с, вместо хлеба-соли… пирожок… Думал, вечером к вам… но порассудил и решил, что неловко, не побывавши утром… Еще раз с ангелом… А вечером зовите, не зовите – я все равно зайду к вам.

– И не хотели звать, потому времена-то нынче тугие, да вот протопоп навязался… – сказал хозяин. – Грехи!.. Осетрина-то вон шесть гривен…

– Мне уж позвольте прийти не одному. У меня брат женатый из Луги приехал, так я уж с ними. Мне брата дома оставить нельзя. Он у меня остановился… – говорил гость. – Жена моя и свояченица свидетельствуют вам свое почтение, а уж вечером сегодня поздравят вас сами лично.

– Чайку стаканчик? – предложила хозяйка.

– От чайку-то увольте, а вот ежели бы ваша милость была рюмку водки и чего-нибудь солененького, так я с удовольствием… Животом все страдаю.

– Матрена! – крикнула хозяйка кухарку. – Очисть скорее селедку…

– Я попросил бы лучше икорки паюсной. Живот – вот моя Сибирь.

– Можно и за икрой послать…

Хозяин был мрачен и молчал. Молчал и гость.

– Впрочем, ежели с коньяком угостите, то я и чаю стакан выпью, – сказал гость.

– Сейчас я пошлю за коньяком… Давай денег, Мирон Мироныч…

– Ох, денежки, денежки!.. Трудно вы нынче наживаетесь-то! – вздохнул хозяин.

– Мирон Мироныч! Позволь, брат, привести к тебе сегодня на пир одного регента, – сказал гость. – Очень уж он желает с тобой познакомиться. Голос, я тебе доложу, восторг у него какой. Тенор. Он бы и гитару с собой взял.

– Да ведь мы, изволите видеть, никого не звали сегодня. Времена-то тугие, – вырвалось у хозяина.

– Да много ли ему нужно? Он только водку одну и пьет. Только уж ежели он придет, то с товарищем. Товарищ у него бас. Вот они дуэтец…

Хозяин вздыхал и чесал затылок.

– Милости просим. Пусть приходят… – сказала хозяйка, не глядя на мужа.

Актрисничать хочет

Кончился клубный спектакль. В зале раздавались еще вызовы. Аплодировали и вызывали актрису, которая играла главную роль в пьесе и очень эффектно умерла на сцене от чахотки. Устроитель спектаклей, лысый человек, стоял в первой кулисе и кричал плотнику:

– Занавес! Давай… Варвара Герасимовна! Пожалуйте… Выходите на сцену.

Актриса в белом шитом пеньюаре, набеленная, как гипсовая статуя, выходила на сцену и кланялась, прижимая руку к сердцу. В это время вошел из залы за кулисы веселого вида кудрявый купец средних лет, улыбался во всю ширину румяного лица, поросшего редкой рыжеватой бородкой, и говорил:

– Браво, браво… Совсем браво… Вот где александринским-то актрисам носы утирают. Посмотрела бы на эту игру Савина, так в кровь расцарапалась бы… Где господин здешний антрепренер? Антрепренера нам требуется… Познакомиться желаем… – обратился он к плотнику, оттаскивавшему декорацию.

– Кузьму Алексеича? А они сейчас на сцене были… Загляните в уборную. Надо полагать, туда пошли, – отвечал он.

– Ну-с, Матильда Федоровна, ползи… – обратился купец к рослой, дебелой, но сильно накрашенной нарядной женщине, следовавшей за ним.

По подведенным глазам, по дорогому светлому шелковому платью, пестреющему кружевами, и по бриллиантам всякий сейчас бы сказал, что эта грузная дама – «из легких».

– Так вот где они играют-то… Вообрази, Капитон, я первый раз на сцене, – сказала она. – Никогда не бывала. Фу, какая грязь здесь!.. Надо платье подобрать. Удивляюсь, как здесь актрисы с платьями со своими…

– Господина здешнего антрепренера видеть желательно! – возгласил еще раз купец.

– В уборной… В мужской уборной… – отвечали ему. – Вот дверь…

Купец отворил дверь.

– Ах, какой срам! Мужчина в дезабилье! – взвизгнула грузная дама «из легких».

– Умереть теперича тебе от стыда надо – вот какой ты невиданный сюжет для своей невинности увидала, – обернулся к ней купец.

– Пожалуйста, не остри. Уж что другое, а это к тебе совсем не идет, – сделала дама гримасу.

– Нет, я к тому, что вы, Матренушка, мужчин-то в таком виде никогда не видали.

– Послушай… Я уйду, ежели ты будешь меня конфузить. Ведь это срам.

– Не уйдешь. Господина антрепренера можно видеть? – постучался купец в дверь уборной.

– Кузьма Алексеич! Вас зовут… – послышалось за дверью.

– Сейчас… сейчас…

В коридор выскочил антрепренер.

– Купец Капитон Сергеев Властнов. Хлебом торгую… Прошу любить да жаловать… Познакомиться желаю… Дельце одно есть… – отрекомендовался он. – А вот это – наша собственная дама Матрена Федоровна… – указал он на дебелую женщину.

– Матильда Федоровна… – поправила та. – Матрена, знаете, такое неловкое имя, а потому я и не люблю его… Переменила… Меня все Матильдой…

– Очень приятно… – раскланялся антрепренер.

– Прежде всего вот что, брат… Игра у вас – первый сорт. Даром что клуб, а александринцев и тех за флагом оставляете. Ей-ей… Браво, браво!

Купец слегка захлопал в ладоши. Антрепренер поклонился.

– Так как же насчет дела-то переговорить? – спросил купец. – Здесь неловко. Вы вот что… Вы приходите в столовую… А там уж я распоряжусь насчет разных разностев… Выпьем, закусим, и переговоримте.

– Переговорить и здесь можно. Пожалуйте вот в эту каморочку. Тут у меня на манер конторы.

– И выпить можно? – задал вопрос купец.

– Сколько угодно. Пошлите, нам и принесут. Мы иногда тут и в карты играем.

– Ну?!

Купец, дебелая дама и антрепренер вошли в маленькую комнатку, уставленную бутафорскими вещами, и сели.

– В актрисы вот просится… – указал купец на даму. – Ну, кланяйся, Матильда Федоровна… Проси… Подъезжай к антрепренеру-то с ласками.

– Да… Я хотела бы играть. Сплю и вижу, чтобы на сцене… – проговорила дама.

– А вы прежде изволили играть где-нибудь? – задал вопрос антрепренер.

– Да что тут разговаривать сухим-то манером! – воскликнул купец. – Человек! Принеси сюда две бутылки редеру… Или тащи три! Три…

– Куда же столько?.. – проговорил антрепренер.

– А господ актеров созовете. Те выпьют для первого знакомства за успех будущей товарки… Тащи, тащи троицу… Да захвати портерцу парочку…

– Вы играли прежде-то где-нибудь? – снова спросил антрепренер.

– Нет, я не играла, но я чувствую, что могу… – отвечала дама. – У меня есть одна подруга… Она у Лентовского служила, а теперь у Коровякова, так мы с ней сколько раз репетицию делали. Я даже и падать могу, ежели, например, с убийством…

– Надо будет вам себя в маленькой рольке попробовать.

– Ах нет… В маленькой я не хочу… Вы мне дайте большую… – сказала дама. – Маленькой ролькой не стоит и мараться… Уж играть так играть.

– Все-таки для первого раза я вам советовал бы…

– Да вы чего сомневаетесь-то? Ежели насчет дорогих платьев – так у меня их сколько угодно. Ежели понадобятся какие-нибудь особенные, так я и новые сошью. Насчет платьев я Глебовой двадцать очков вперед дам.

– У ней этого тряпичного добра хоть отбавляй… Распотрошила она меня совсем… – поддакнул купец. – Уж мы истинник-то из этого самого места вынимали-вынимали, да и счет потеряли, – указал он на боковой карман.

– Только я вас попрошу… дайте мне такую роль, чтобы в бриллиантах… У меня бриллиантов много… Я хотела бы… есть пьеса… «Дама с камелиями»… Там и от чахотки умирает… и платья дорогие… и бриллианты…

– Ой, обробеете для первого раза…

– Она-то? Да ее перед крокодилом выпустить, так и то не сробеет, а не токмо что перед публикой! – воскликнул купец.

– Публика страшнее крокодила.

– Вот этого зверя хватит для храбрости, – щелкнул купец себя по галстуку.

– Капитон Сергеич… И не стыдно вам даму конфузить! – сказала дама. – Так могу я надеяться? – обратилась она к антрепренеру.

– Да что тут разговаривать! – порешил купец. – В чем разговор? Публика будет недовольна? Все зало скупим. Своих засадим. Да что ж вина-то не несут? Выпить надо прежде, а потом и разговаривать. Ну вот что, господин антрепренер: все расходы по пьесе я на свой счет принимаю. Ставьте ей, что она просит. Полно думать-то! Решай! – хлопнул он антрепренера по плечу.

Внесли вино.

– Откупоривай! Надо запивать новую дебютантку, – сказал купец и, схватив антрепренера за руку, прибавил: – Не будешь перед ней гордиться – так от меня тебе хорошо будет.

Рассказ земляка

Хозяин, приземистый и коренастый купец в затасканном халате, выглянул в маленькую прихоженькую при кухне. У дверей, ведущих с лестницы, стоял полный и лысый мужчина с еле растущей бородой на жирном лице. Енотовая шуба с меховой подпушкой на подоле изобличала в нем провинциального человека.

– Мирон Максимыч! – воскликнул хозяин.

– Евлампий Калистратыч! – отвечал пришедший. – Здоров ли, батюшка?

Оба расцеловались.

– Какими судьбами к нам в Питер?

– Да вот, сидел-сидел в деревне да и надумал. Делишки кой-какие здесь очутились.

– Милости просим… Очень рад… Скидай шубу-то. Матрена! Бери… Вот и кстати. Прямо к самовару поспел. А мы сидим с женой да чаи распиваем. Жена! Манефа Евстигнеевна! Иди сюда… Земляк приехал. Вот это, брат Мирон Максимыч, моя супруга… Кланяйся, Манеша Евстигнеевна, проси земляка в горницы… Семь верст он от нас по деревне.

– Шесть, ноне сказывают, – поправил земляк.

– Ну, да ведь в деревнях-то версты бабы клюкой меряют, – махнул рукой хозяин. – Прошу покорно, Мирон Максимыч.

Через минуту хозяин и гость сидели за самоваром. Хозяйка доставала из шкафа водку и закуску.

– Ну, как там у вас в деревне? – спрашивал хозяин. – Шесть годов ведь я не бывал.

– Да так себе, из кулька в рогожку… Живут… – отвечал земляк, глотая с блюдечка чай. – Облесимово сгорело.

– Ну?

– Почитай, все дотла выгорело. Тридцать дворов как языком слизнуло. В ночь на Кирика и Улиту это случилось. У Рождества-то был праздник, придел там во имя Кирика и Улиты; многие позаночевали там; дома-то, почитай, никого не было – ну, все под корень и скосило. Один кабак Бог помиловал.

– Кабак-то цел остался? Скажи на милость!

– Цел. Сам Софрон Михайлыч его и отстаивал. Загоре лось-то с другого конца. Ну, он как увидал, что к нему огонь подходит, – сейчас это три ведра выставил – весь народ-то, что был в деревне, к нему и бросился на подмогу. Отстояли…

– Богатеет Софрон-то Михайлов?

– В гору лезет. Ризы новые ноне по весне к Рождеству сшил, запрестольный крест новый пожертвовал. Пожар-то ему много помог. Как только село погорело – он сейчас у всех мужичков хлеб на корню скупил, а урожай-то вышел хороший. Погорелый-то человек, известно, ошалевши. Ему что ни дай – он все возьмет. Дал за хлеб два гроша, а выручил денег целую уйму. Медаль ноне ему вышла за ризы-то да крест. Теперь щеголяет.

– Ну а отец Иоанн как? – спросил хозяин.

– Здоров. Что ему делается… Он ноне овсом торгует. Разбогател. После пожара-то он тоже у всех крестьян пчел скупил. Ноне у него, говорят, сын в лекаря вышел. Только непочтительный… Приехал на побывку, три дня прожил с отцом, поругался и уехал.

– Непочтительный? Скажи на милость! У этакого достойного отца и сын непочтительный. Вот оно говорят, что яблоко-то недалеко от яблони падает… Нет, видно, совсем напротив.

– И какую гордость на себя взял. Это, то есть сын-то. Кабатчику Софрону Михайлову, известно, лестно с доктором в эполетах познакомиться – ну, он сейчас угощение затеял, стал к себе отца Иоанна с сыном звать. Отец Иоанн-то пришел, а сын дошел до кабака, свернул к учителю в хатку, да с учителем-то весь вечер и просидел. Софрон Михайлов посылает за

ним одного посланца – нейдет; посылает другого, вместе с учителем зовут – ни учитель, ни он нейдет. Сам отправился звать – сидят, распивают чаи и не идут. Так и не пошли оба. А кабатчику-то совестно, потому – у него были наприглашены и урядник, и Назар Тимофеич. А Назар Тимофеич у нас теперь на всю волость первый человек.

– Ну?!

– Ей-ей… В какие-нибудь пять годов так поднялся, так поднялся, что и Боже упаси. Начал со шкур; шкуры крестьянские стал скупать, а теперь какой есть лес в уезде – весь, почитай, его… – повествовал земляк, откусил кусочек сахарку и звонко схлебнул с блюдечка чай.

– Ну а школа как?

– Школа плохо… Пожары-то как в округе начались, так и не до школы. Еще пока прежний учитель действовал, она держалась, а как прежнего учителя согнали и взяли нового, так совсем вразрозь. Прежний-то ведь сам старался, сам, бывало, уговаривал мужиков, чтоб те ребят учиться посылали.

– За что же его согнали?

– А вот Софрон Михайлыч его съел… За непочтительность съел. Очень уж ему тогда было обидно, что учитель ни сам к нему на пир не пришел, ни поповского сына не уговорил идти.

– Скажи на милость, какие дела-то! – дивился хозяин. – Значит, Софрон Михайлов теперь совсем силу забрал.

– И рукой не достанешь. Помещиков в руках держит. Все у него в долгу как в шелку. Ведь у него окромя кабака и бакалейная лавка, ну так вот по книжкам за бакалею. Опять же, и убоиной он торгует. Сила у него большая… А как, брат, живет! Орган ноне самоигральный из губернии привез. Привез и в чистой горнице у себя поставил. Летом, это, в праздник окна отворит, орган заведет, а сам ляжет на диван; орган играет, а он лежит на диване да по брюху себя хлопает. А народу-то около окон – страсть!.. Сам-то он во втором этаже живет, а внизу кабак, – ну, публика слушает, слушает музыку, да в кабак и повалит. Жена у него без банки варенья и за самовар не садится.

– Сам-то ты как теперь? – задал вопрос хозяин.

Гость откинулся на спинку стула, побарабанил себя по животу и сказал:

– Ничего… Слава тебе господи!.. Не жалуюсь… Я теперь на всю нашу округу благодетель… Как мужичок маленько свихиваться начнет – сейчас помогу. Я больше насчет шерсти и льна… Клочок шерсти или льна – и то мимо моих рук не пройдут. Я теперь у барышень Хрусталевых усадьбу за долг взял. Вот надо будет выживать их. А то усадьба два месяца моя, а они, старушки Божии, все живут да живут. Хочу картофельный завод в ней устроить. Крестьянишки-то окрестные все мне должны, так вот бы и отрабатывали.

– Скажи на милость, как, брат, ты!.. – дивился хозяин.

– Господь благословил, Евлампий Калистратыч! – вздохнул земляк. – Ведь это все свыше… А сам я вот настолько за свои таланты павлина в голове не держу.

– Ну, а Михей Селиверстов как? Хороший мужик, честный… Помнишь, как он с братьями-то поделился… Без спора, без всяких неудовольствий…

– Ослаб… Совсем от вина ослаб…

– А Трифон Емельянов? Ведь он тогда насчет школы-то хлопотал. И что ему эта школа далась!

– Сгорел, от вина сгорел. Попадала тут у него скотина… Со старостой потом вышла неприятность. Начал его староста грызть… Под станового подвел. Становому тот не уважил… Посадили… Вышел на волю, стал вином заниматься и сгорел… Неудержимо пил.

– Хороший человек, дай Бог ему здоровья! – сказал хозяин.

– Закусить вот пожалуйте, – предложила хозяйка.

Приступили к водке.

У старшего дворника

С лестницы ворвался в дверь морозный воздух и в виде пара клубами закружился по комнате. В дверях показалась фигура околоточного с портфелем под мышкой.

– Антип Самсонов дома? – спросила фигура.

– Дома… Дома… Ах ты господи! Антип Самсоныч! – засуетилась толстая женщина в ситцевом платье и в ситцевом платке на голове, возившаяся около русской печки. – Пожалуйте, милости просим, – обратилась она к околоточному.

– Где же он?

– Да дрыхнет вон за занавеской. И сколько в него этого сна лезет, так просто ужас!

Из-за ситцевой занавески, разделявшей комнату на две части, раздавался храп.

– Старший дворник, и дрыхнет в непоказанные часы! Да ведь это не по положению…

– Антип Самсоныч!.. Антип Самсоныч! Вставайте! Господин околоточный пришел! – бросилась дворничиха за занавеску.

– Не замай… Оставь… – пробормотал сквозь сон дворник. – Пусть другой раз…

– Как не замай, коли такой гость! Да очнись ты…

– Скажи, что я в участок с паспортами ушел.

– Что ты говоришь, бессмысленная твоя рожа! Да ведь господин околоточный здесь стоит. Сами господин околоточный тебя спрашивают! – крикнула дворничиха.

– Околоточный? Фу!.. Да ты не врешь?

– Вставай, вставай, Антип Самсонов! Это я! – заговорил околоточный.

Тон переменился.

– Простите, ваше благородие… Виноват… Сейчас, только сапоги надену.

Из-за занавески вышел старший дворник в рубашке и жилетке.

Он позевывал и почесывался. Околоточный принял его несколько строго.

– Хоть я, брат, тебе и кум, но должен сделать по всем строгостям взыскание. Тротуары песком не посыпаны, а ты дрыхнешь… – сказал он.

– Неужто не посыпаны? Ах, черти! Да ведь я велел подручным…

– Ты велел, а они по портерным да по кабакам разбрелись. Смотреть надо.

– Как тут усмотришь за анафемами! Просто хоть сам посыпай. Ведь вот только прилег, а тут такие действия… Сейчас велю-с! Наталья! Давай кафтан!

– Погоди… Надо тебя и о другом деле порасспросить.

– Чайку не прикажете ли? Жена живо самовар поставит.

– Некогда мне с твоими чаями возиться. Я на минутку.

– Ну, с бальзанчиком рюмочку? Жена! Беги сейчас в лавочку и спроси семушки кусочек… Да пусть отрежут получше. Для нашего, мол, околоточного.

– Ага! Теперь с бальзанчиком и семушки… А давеча: «В участок ушел».

– Виноват-с… Спросонков… Я так полагал, что это кто-нибудь из жильцов по пустякам тревожит. Ведь у нас поминутно: то печка дымит, то насчет прачешной. Неужто бы я такие слова, ежели бы чувствовал, что такой дорогой гость?.. Прошу покорно садиться… Наталья!

Живо за семгой…

Околоточный сел.

– Что у вас вчера ночью такое освещение в третьем этаже? – спросил он.

– А это у господина Голованова. Зачастую у них.

– Кто этот Голованов?

– По паспорту – отставной чиновник… А вот где он служит – пес его ведает. Пытал я у прислуги – и та не знает. В черном теле они, этот Голованов, у супруги, а барин хороший, щедрый… Супруга у них главным манером действует, и ежели приглядеться, то не то она как

бы в воспитальницах у одного старичка-генерала состоит, не то в содержанках у купца-меховщика. Оба они наезжают… Как приедут – муж сейчас со двора сбежит. Ездит еще третий барин амуры к ней распускать… Как его?.. Мудреная такая немецкая фамилия. Горенбиров… Нет, не Горенбиров… Одни говорят, что он из портных, другие – что из адвокатов.

– Так это у содержанки? – протянул околоточный. – А я думал…

– Вы думали, что у поляка? Нет, там спокойно… Никаких этих действий он у нас не распространяет. Уж я смотрю в оба, а ничего… Старичок только один старенький обедать ходит. Поест и уйдет… Сами они разве в киятер… А то все дома, и все тихо… Ребят разве иногда просекать прутом начнут, так визжание начинается… Ну, и шум…

– Что ж, картеж у этой содержанки? – расспрашивал околоточный.

– Да она, Клим Иваныч, не настоящая содержанка, а на манер как бы в крестницах у старичка и в дочках посаженых у купца этого самого. А за квартиру платит портной или адвокат этот… Ходим, ходим за деньгами – все завтра да завтра… а наедет портной, вечер пересидит – ну, наутро и за квартиру заплочено.

– В карты вчера играли, что ли? У них непременно картеж.

– Нет, больше пьянство. Швейцар сказывал, что под утро начали выходить, так все пьяные. Двугривенных по два за сохранение калош ему давали. Лакей сказывал, что сели и в карты было играть, но такое умоисступление от вина началось, что стали двойками валетов да тузов крыть – ну и бросили.

– Ты говоришь, пьянство?

– Шибко пьют. После гостей лакей ихний иной раз на целый рубль пустых бутылок продаст. Коли хотите, то можно внушение сделать: что, мол, так и так… пейте поменьше…

– Пусть пьют. Это не возбраняется. Лишь бы только дебоширств не было.

– Купец ноне у нас в семнадцатом номере спутался, – доложил дворник.

– В каких смыслах? – спросил околоточный.

– Да коли ежели один и впотьмах, то всякую небель стал за черта принимать. Увидит, к примеру, чугунку-печку, ну и кричит, что черт. Под кровать от страха лезет. Призывали старика с кладбища, отчитывали.

– С чего же это он?

– Ослаб. От вина ослаб. Дела в расстройство пришли. В лавку-то не ходит, чтоб по запискам долгов не платить, сидит дома, никому не сказывается и пьет. Да вот и допился.

– Пусть пьет… Лишь бы не дебоширил.

Явилась дворничиха из лавки и принесла семгу.

– Целый фунт отрезал, когда я сказала, что для их благородия, – проговорила она. – Самый лучший кусок…

– Ну, еще бы он посмел дрянь-то… – отвечал дворник.

Появился на столе графинчик с бальзамной водкой.

– Ну, скорей, скорей… – торопил околоточный. – Мне еще в Семиглотов дом надо.

– Без парочки рюмочек, Клим Иваныч, не отпущу, а то захромаете, – сказал дворник и налил две рюмки.

Новожены

I. У тестя

Молодые супруги Николай Ларионович Замесов и Настасья Давыдовна Замесова на другой день после свадьбы взбирались по лестнице в квартиру отца Настасьи Давыдовны с визитом. Впереди бежал ливрейный лакей, взятый на время визитов вместе с каретой от извозчика. Молодая путалась в длинной чернобуро-лисьей ротонде, крытой синим бархатом.

– Легче шагай, Настенька… Торопиться незачем. Даже шику больше будет, ежели прислужающий лакей позвонит в колокольчик, двери отворят, а мы еще все по лестнице идем, – заметил молодой супруг супруге. – Александра! – крикнул он лакею. – Звонись с градом и при всем своем остервенении, чтоб, значит, чувствовали.

– Как в графских домах-с… Я уж эту политику-то знаю-с… – отвечал лакей.

– Пожалуйста, Настенька, с шиком входи в прихожую и без всякого промедления сбрасывай с себя салоп на руки лакею. Как вас по-французски-то обзывать?

– Анастаси.

– Фу, как легко! Совсем как бы и по-русски. Так я вас и буду звать.

Лакей уже дернул за ручку звонка, но дверей еще не отворяли.

– Перегодить надо, – сказал молодой. – Пусть отворят двери, и мы начнем взбираться по лестнице… Готово-с… Пожалуйте… – прибавил он, когда заслышал, что щелкнула щеколда дверей.

Молодые вошли в прихожую. Прихожая была битком набита чадами и домочадцами, вышедшими встречать молодых. Виднелись какие-то старухи с подвязанными скулами, прыгали ребятишки – братья и сестры молодой. Молодая сбросила с себя салоп, но лакей не успел его подхватить, и салоп упал на пол. Она протянула ногу, чтобы лакей стащил с ноги теплый сапог, но покачнулась и ухватилась руками за супруга.

– Совсем весь фасон церемонии испортила! – шептал тот.

– С законным браком! С законным браком! – слышалось со всех сторон.

Тесть заключил зятя в свои объятия.

– Давно ждем, давно… В отчий-то дом, кажется, можно бы и пораньше привезти женушку, зятюшка… – заметил тесть.

– На аристократический манер долго с кофеями проклажались, папашенька, – отвечал зять. – Здравствуйте, мамашенька! – расцеловался он с тещей.

И началось великое чмоканье уст.

– Ребятишек-то, маменька, подальше… А то у Настеньки светлое платье лапами захватают, – упрашивал он.

Молодых ввели в гостиную и усадили на диван за стол. На столе стояли бутылка шампанского и коробка конфет. Тут же помещались бокалы. Вбежал приказчик, схватил бутылку и хотел подрезать пробку.

– Дайте нашему прислужающему лакею. Он с шиком пробку пустит, – сказал молодой.

– Помилуйте, Николай Ларивоныч… Неужто уж мы не сможем? – обиделся приказчик.

– Однако при графских домах служить или из железной лавки?..

Пробка хлопнула, и нагревшаяся шипучка брызнула из бутылки потоком.

– Полным домом жить… полным домом… – сказала теща.

– По-вашему – полным домом, а по-нашему – карманный изъян. Вон Настеньке на светлое платье брызги попали.

– Ну, что тут! Новое наживете, Николай Ларивоныч…

– Да ведь наживать-то придется нам, а дочка-то ваша.

– Наша дочка, а ваша супруга. Теперь уж она у нас отрезанный ломоть, – сказал тесть.

– Верно-с. Но надо и тот сюжет в головное воображение взять, чтобы так разговаривать – сколько вы шелковых-то платьев за вашей дочкой изволили дать? В приданой росписи показывали пять, а дали три… – уколол молодой зять тестя.

– Николай Ларивоныч… – дернула молодая супруга за рукав мужа.

– Пардон-с, Настенька, но я дело говорю. А вы, Давыд Панфилыч, не обидьтесь, это я только так, к слову. Опять же, возьмем самовар парадный… Обещались серебряный, а всучили мельхиоровый.

– Николя… Лессе… – еще раз остановила мужа супруга.

– Молчу, молчу… Только уж из-за того, Анастаси, и молчу, что вы по-французски пустили, – улыбнулся молодой супруг и взял бокал.

Взял бокал и тесть.

– Ну-с… С законным браком!.. – сказал он. – Дай Бог в мире и согласии… А насчет всего прочего: кто старое вспомянет – тому глаз вон, – проговорил он.

– Как-с? Стало быть, нет моей обязанности, чтобы я вам и насчет тех пяти тысяч напоминал, которые за вашей дочкой вчера мне недодали?

– Ты, брат зятюшка, что-то на ссору лезешь! Я к тебе всей душой, а ты как супротив медведя… – покачал головой тесть.

– Медведи, папашенька, таких поступков…

– Николя… же ву при, лессе… – пробормотала молодая супруга.

– Только из-за французского языка оставлю я, Настенька. Извольте… – проговорил супруг. – На сегодня, папашенька, довольно…

Тесть и зять выпили по бокалу и поцеловались. Стали подходить чады и домочадцы. Началось опять чмоканье. Лезла прислуга с поздравлением. Она входила в гостиную и кланялась. Молодой супруг вытащил из брючного кармана пачку кредитных билетов и оделял прислугу по трехрублевой бумажке.

– В нас вон этого сквалыжничества нет, чтобы ужилить. Где какое положение существует, мы от правилов не отступаем, – хвастался он, раздавая деньги. – А вы, папашенька, и для родной-то дочери правилами пренебрегли. Недодать-то вы приданый чистоган недодали, да и то, что дали-то, и то городскими кредитными облигациями по номинальной цене всучили.

– Нет, ты, я вижу, совсем на ссору лезешь!

– Николя… же ву при, ассаже назад… – уже сквозь слезы говорила супруга.

– Молчу, моя тре канифоль.

– Выкушай, зятюшка Николай Ларивоныч, еще бокальчик шипучечки-то, – упрашивала его теща.

– Выкушал бы, мамашенька, да шампанское у вас не настоящее, а из того сорта, который на задний стол музыкантам подают.

– Да что ты, Николай Ларивонов, белены объелся, что ли! – гаркнул тесть.

– А она какого вкуса? Может быть, вы ее пробовали, так расскажите.

– Николя… Бросьте, же ву при…

– Только для вас… Ну-с, папашенька и мамашенька, прощайте. Посидели у вас, и будет. Надо и другим сродственникам почет отдать… – сказал молодой, поднимаясь с дивана. – Настаси, алон! – обратился он к жене. – Алон, моя тре канифоль. Отсюда прямо к генералу Разгромову с визитом… А насчет всего прочего, папашенька, я к вам в лавку поговорить зайду. Адье, маменька!..

Опять чмоканье. Лица у всех были мрачны. Начали уходить. Лакей накинул на молодых шубы.

– Александр! Беги вперед и кричи карету Замесова! Да погромче! – скомандовал молодой. – Каков лакей-то? – кивнул он ему вслед. – Один лик чего стоит! Изволили вы ему дать, папашенька, хоть рубль серебра на чай?

– Не видел надобности, зятюшка.

– А я видел надобность всю вашу свору по зелененькой оделять? Вот и здесь сквалыжничество.

– Николя!

– Алон, Настаси! Прощенья просим, папашенька и мамашенька.

Молодые начали спускаться с лестницы.

II. Во время медового месяца

Молодые супруги Замесовы только что отобедали у себя дома. Молодой супруг Николай Ларионович подошел к своей жене и сказал:

– Мерси вас за хлеб, за соль, Настенька. А теперь взаместо четвертого блюда дозвольте вам безешку влепить в уста сахарные, и будет это как бы бламанжей.

– Целуйте… Я вам никогда в этих смыслах препятствовать не могу, – отвечала молодая супруга.

– Не тот вкус-с… Мне желательно так, чтобы вы сами сдействовали. – Супруг подсел к супруге. – Извольте бархатной ручкой взять меня за шею, притянуть к себе на грудь и самым чувствительным манером прямо в губы… значит.

Супруга исполнила.

– Нет, не тот коленкор-с! – воскликнул супруг. – Не умеете надлежащим манером. А вы потрафьте мне так, как французинки трафить умеют.

– Откуда же вы знаете, как французинки целуются? – удивленно спросила мужа жена.

– Я-то-с? Ах ты господи! Да нешто?.. Что с вами, Настенька? – переменил тон муж. – Позвольте… Зачем же вы глазами-то заморгали? Слезиться тут нечего. Я от приятелев слышал, как французинки целуются. Сеню Грамотова знаете? Так вот он одну французинку около себя на хлебах держал и мне про ейные поцелуи рассказывал. Вот и все. Да и французинка-то у него не настоящая была, а из немецких повивальных бабок, так, может быть, он и врал даже. Ну полноте, Настенька… Позвольте вас пощекотать. Авось через это самое у вас и солнце красное на физиономии взойдет. В каком месте вы всего больше щекотки боитесь? Ну, я под шейку… Вот так.

Жена улыбнулась.

– Ах, какие коварства, надо полагать, вы до свадьбы выделывали! – сказала она.

– Вольный казак был-с, оттого… – отвечал муж. – А уж теперь вы будьте без опаски. Коли у нас такая краля у себя дома, зачем мы по чужим нациям мотаться будем! А что насчет поцелуев самых пронзительных, то я научу вас, как надо потрафлять. Во-первых, обнимайте крепче за шею… Ну-с? Что же вы! Я командую, а вы отвертываетесь.

– Мне стыдно, Николай Ларивоныч… – зарделась молодая жена.

– Ничего, ничего… В супружеском счастии стыда не полагается. Обхватывайте руками на манер кренделя…

– Извольте.

– Вот так… Чудесно… Теперь извольте к себе на грудь притягивать. Ты ведь у меня понятливая, а только брыкаться любишь. С твоей понятливостью я тебя живо на французский манер выучу! Ну, тяни!

– Да ведь уж я притянула, Николай Ларивоныч.

– Тяни крепче! Поддавай пару-то! Жми…

– Крепче уж и сил не хватает, Николай Ларивоныч… Ведь вы грузные.

– Первое дело ты то себе на нос заруби, что во время любовных поцелуев не модель говорить «вы» и «Николай Ларивоныч». Ни одна француженка этого не скажет. «Ты» и «Николя» – вот как при любовной аллегории следует. Теперь целуй. Сама целуй… Чего ты стыдишься-то, дура! Ведь уж две недели как свадьбу сыграли. Пора привыкнуть. Две недели в браке живем, да две недели женихом я к тебе бегал. Итого месяц. За месяц-то сколько воды утекло… Ну, скажи французское любовное слово и потом целуй попронзительнее.

– Же ву зем, Николя…

Раздался звонкий поцелуй…

– Не так, совсем не так!.. – воскликнул молодой. – Вот как француженки делают. А ты словно горшок об горшок… Да поцелуешь, а потом за щеку укуси. Эх, бывало, на этот счет Сюзета!..

Жена толкнула мужа в грудь.

– Подите от меня прочь, коли так… – сказала она.

– Что опять за антресоль такой? В чем дело? – выпучил на нее глаза муж.

– Не хочу я с вами и разговаривать!

– В каких смыслах? Что я такое особенное сделал? Сижу на стуле, как овца…

– Как же вы вдруг такие слова… «Эх, бывало, Сюзета»… Какая это такая Сюзета? Значит, вы с Сюзетой любовь водили…

– Ах, Настенька, Настенька! Сколь ты при своей красоте распречудесной глупа есть. Да Сюзета эта уж год как померши. Выпила лишнее, поехала на тройке, застудилась и Богу душу отдала. Человек промахнулся и лишнее слово сказал, а вы через это самое вампира ревностного супротив меня пущаете. Быль молодцу не укор, Настенька. Вы разочтите только то, что в те поры я холостым бегал. А теперь женился на эдакой амурной девице, которую можно приучить французским манером чувства свои распространять, так по мне хоть все француженки сдохни – так и то плевое дело.

Муж встал и прошелся по комнате. Жена сидела отвернувшись.

– Полно вам козыриться-то! Скажите лучше какое-ни будь французское слово почувствительнее да попронзительнее. Вас в гимназии не обучали тем куплетам французским, что Луиза Филиппо в «Демидроне» поет? – спросил он.

– В гимназиях таким мерзостям не обучают, – огрызнулась она.

– Отчего же мерзостям? Куплеты гладкие. Ну, скажите мне такие куплеты, каким вас обучали. Мне ведь все равно. Я французской словесности не понимаю. А мне что дорого? Мне дорого, чтоб вот при вашей ласке и французские слова… – рассказывал супруг и прилег на диван. – Настюша! Пожалуйте сюда… Сядьте около меня. Я буду после обеда засыпать, а вы мне французские стихи пущайте.

– Я все французские стихи давно уже перезабыла.

– Возьмите книжку и читайте по книжке. Ведь французские книжки у вас после науки остались.

– Вот еще, стану я у себя всякую дрянь держать! Все сожгла, как меня папенька с маменькой из гимназии взяли.

– Ну, так, без книжки присядьте… Взбейте мне прическу на голове и скажите на французский манер: «Ва, полисон!»

– И этого не желаю.

– Ну женушка! А ежели мы, как супруг, командуем вам в этих смыслах?

– Я не солдат, а вы не офицер.

– Ловко! В таком разе пустите хоть издали ласковое французское слово. Ну что вам стоит сказать: «Ва, полисон»!

– А вот не хочу Сюзетины слова повторять.

– Да это вовсе и не Сюзетины, а Лифосинины. Так Лифосина говорила, а не Сюзета. Сюзета говорила: «Мон шьян, шьян… О, бриган!»… Вот как Сюзета-то говорила.

Жена плакала.

– «Дождик, дождик, перестань, мы поедем на Ердань», – запел муж. – Из моей пронзительной любви к вам и вдруг слезы… Помилуйте, я из-за этого только и женился на вас, что вы французские слова знаете. А вы мне потрафить не хотите… Бог с вами, Настенька! Папенька ваш меня на пять тысяч в приданом обсчитал, а вы французские слова утаиваете. Что ж это такое, в самом деле?

– Разведитесь, да и переезжайте к вашим Альфонсинам да к Сюзетам.

– Благодарю покорно. За что ж мы на свадьбе-то проели полторы тысячи рублей? Да наконец, куда ж ты-то денешься, ежели я к Лифосинам пойду? Ведь мне тебя жаль. Ты у меня бабенка совсем разсупе деликатес, а ежели в тело войдешь и раздобреешь, так еще лучше будешь, но одно – насчет французских слов артачишься.

Ну что тебе значит?.. Ведь не отвалится у тебя язык… Скажи что-нибудь по-французски.

– Ля сигаль е де фурми… – произнесла супруга.

– Это что же обозначает?

– Любовные слова.

– Ну, вот и мерси, вот с меня и довольно. Теперь я спокоен… Ручку, Настенька! Видите, даже ручку целую. Адье… Я часочек соснуть хочу. Адье, Настенька!

– Адье, адье…

Супруг перевернулся на диване лицом к стене. Через минуту он начал слегка всхрапывать.

III. Новожены в «Аркадии»

Зимний сад «Аркадия», в Новой деревне. Гремит военный оркестр. Гроты, фонтаны, развесистые пальмы… За столиками сидят компании мужчин. Кой-где есть и дамы. Виднеются бутылки со смолеными горлышками. Мелькают лакеи во фраках, с салфетками под мышками, перебегая от стола к столу; бродят цыганки в пестрых нарядах.

В зимний сад входит молодой человек с белокурой бородой и в бобровой шапке. Под руку с ним молодая женщина. Они останавливаются.

– Изволите видеть, Настенька, какой здесь капернаум аристократический… – говорит молодой человек. – Поди, тебе в таких палестинах никогда быть и не трафилось?

– Само собой, – отвечает молодая дама, озираясь по сторонам. – Откуда же мне, коли я жила при папеньке с маменькой на манер тараканьего положения? Ведь мы только разве в театр на Масленице, на Рождестве да на Пасхе, да и то всегда с прокламацией… Папашенька, бывало, ругается; мамашенька тоже супротив их ругательную критику подводит. Ах, как здесь чудесно!

– Ну, вот видите… А теперь супруг ваш законный на все эти гулевые палестины глаза вам открывает. Смотрите и чувствуйте, сколько влезет.

– Очень вам благодарна, Николай Ларивоныч.

– Теперь, Настенька, после пожара здесь все возобновили, но на этом самом месте прошлой зимой много я денег посеял. Такие карамболи выкидывал, что уму помраченье! Ей-ей… Даже раз что же… Побился об заклад с приятелями и во всей, как есть, одеже вместе со стерлядями и налимами в фонтале плавал. Фонтал бьет, а я плаваю.

– И не стыдно вам этим хвастаться! – покачала головой молодая жена.

– Отчего же-с? Воспоминания своих собственных карамболей всегда чувствительны. Ведь до полиции тогда дело не дошло, и вся эта антресоль кончилась без протокола, – отвечал молодой супруг.

– Ну, все-таки… Не знала я, что вы такой безобразник.

– Было, да прошло и быльем поросло. Вы только то возьмите, что ведь тогда я был холостой саврас без узды, а теперь сделался женатым солидарным мужем. Теперь уж аминь насчет этих хмельных колен! Пожалуйте к столику… Меня здесь все прислужающие лакеи знают. Эй, эфиоп! Гражданин! – крикнул молодой человек.

Подскочили два лакея.

– Здравствуйте, ваше сиятельство Николай Ларивоныч! Белоголовочки парочку?..

– Настенька! Чувствуете, как они меня величают? – отнесся супруг к супруге. – В прошлом году я был здесь большой завсегдатель.

– Добрых господ мы завсегда уважаем, – отвечали лакеи.

– А ну-ка, кто я? – подбоченился супруг.

– Именитый купеческий сын Николай Ларивоныч Замесов.

– Ну, то-то… В струну!.. И живо первоначальным манером нам чаю!

– Как новую мамзель-то вашу звать? Прежде ведь вы изволили с Катериной Митревной компанию водить, – наклонился к уху молодого человека лакей.

– Вот афронт неожиданный! Настенька! Можете вы думать, что у сего прислужающего гражданина такое воображение, что вы не супруга моя, а девица на мамзельном положении!.. Во фрунт! И поздравляйте с законным браком! Это моя настоящая законница на каменном фундаменте.

– С законным браком, ваше сиятельство… Извините, мы не знали, – проговорил лакей.

– Тащи сюда скорей чаю, да чтобы со всеми премиями.

– Сливочек от бешеной коровы прикажете?

– Вали! Только чтобы у меня живо. Одна нога здесь, а другая там!.. Настенька! Каково с их стороны действие-то насчет вашего сословия! – тронул жену муж за плечо.

– Подите… Я не хочу с вами и разговаривать! – отвернулась от него та. – Верно, вы сюда в прошлом году только с бесстыдницами и ездили.

– Ревность с вашей стороны? А нам-то как это приятно… – улыбнулся супруг. – Винограду с дюшесой не прикажете ли?

– Не смейте и разговаривать со мной после такого коварства чувств.

– О-го-го! Как это чудесно! А вы должны не козыриться, а приятные улыбки делать, что я в нынешнем году с беззакония совратился и на законную зарубку попал. Пожалуйте ручку… Вот так… Ведь уж вся та «Аркадия», где я при беззаконных мамзелях карамболи выкидывал, дотла сгорела и на оном месте новая выстроена.

Подали чай.

– Предварительное глотание хмельной сырости дозволите сделать? – спросил супруг и указал на графинчик с коньяком.

– Да ведь вам в голову вступит, – отвечала супруга.

– Ради согревания телесности только… Ехали и зазябли, так надо же… Настенька! Изволите видеть, какие цыганочки мимо нас основу снуют… Ведь это все знакомые. Вот это Маша, вот это Груша, это Танюшка… Дозволите им пару комплиментов при вас сказать?

– Говорите, но тогда я уеду одна домой, а вы оставайтесь здесь… – надула губки супруга.

– Позвольте… зачем же такая пронзительность с вашей стороны? Ведь цыганочки не из мамзельного сословия, они соблюдают себя в аккурате и здесь на актерском положении.

– Делайте что хотите…

– Грушенька… Машенька… Пожалуйте с вашими купоросными глазками.

Цыганки подскочили.

– Угостите нас шоколадом или глинтвейном… – заговорили они.

– Цыц! Теперь уж я не тот. Теперь уж я Фауст наизнанку… Тот из старого в молодые превращение свое сделал, а я из прежних саврасов солидарным человеком стал. Видите сию

даму… Вот это моя супруга законная… Кланяйтесь ей, фараоночки… Настенька! Дозволите для них порцию глинтвейну на задний стол потребовать?

– Не больно-то мы на заднем столе и пить будем. Мы думали, что с вами.

– В таком разе брысь и отчаливай, – махнул рукой молодой человек.

Цыганки, заговорив на своем гортанном наречии, отошли прочь.

– Настенька! Изволили видеть, как я их отчалил? Народ все с амбицией, но мне теперь наплевать. Я теперь при законной супруге, и никакой мне другой женской красоты не требуется. Что ж вы чаек-то? Кушайте… А то сидите надувшись как мышь на крупу. Или, может быть, дозволите шампанеи сосудец ради воспоминания моих прошлогодних похождениев в здешних местах потребовать?

– Да требуйте что хотите… – огрызнулась супруга.

– Нам желательно, чтобы и вы легкое пригубление к сему напитку сделали. Будете кушать? – приставал супруг.

– Вы, кажется, Николай Ларивоныч, и меня за мамзельную девицу считаете и ставите с разными срамницами вровень.

– Отчего же-с? Шампанское и замужние дамы потребляют. Ах, Настенька! Совсем я от вас не те ожидания имел. Я думал, что вы мне потрафлять будете в моей гулянке, а вы, извольте видеть, какие интриги супротив меня отпущаете. Я хотел старину вспомнить, а вы…

Водворилась пауза. Муж бухнул себе в стакан чая добрую половину графина коньяку.

– Ах, как когда-то я порхал в здешних местах! – проговорил он со вздохом. – Настенька! Можно вам один сюжет про себя рассказать?

– Говорите. Мне все равно.

– В прошлом году вот на этом самом месте я в хмельном образе пару канареек съел. Велел зажарить на постном масле и съел.

Жена молчала.

IV. Перед Николиным днем

Новожен купеческий сын Николай Ларионович Замесов – именинник в Николин день. Накануне своих именин, вернувшись от всенощной, он пил вечерний чай со своей супругой Настенькой и вел следующий разговор:

– Как вам угодно, Настенька, но я все-таки пригласил завтра к нам на бал этого самого генерала, который был у нас на свадебном обеде. Они хотя генерал и без эполетов, а со жгутами, но все-таки у них красная подкладка под мундиром, а это большое украшение. Надо будет нашим гостям пыль в глаза пустить. Пусть видят, какое у нас знакомство! – сказал Замесов.

– Как вам угодно, мон Николя, – отвечала супруга.

– Нет, я к тому предупреждаю, что ты на свадьбе очень боялась его.

– Действительно, они на вид страшные.

– Это-то, друг мой, и хорошо. По крайности, всякий гость будет в трепете. А вам перед ним и трепетать нечего. Вы можете даже супротив него французский язык пустить.

– Теперь я их не буду бояться.

– Ну, вот и отлично. Подойдите завтра к нему, да при всех гостях и пустите пять-шесть французских слов. Это большой шик будет. Всякий скажет: «Ай да мадам Замесова! Как она навострилась! Даже и генерала не боится».

– Нет, уж насчет французских слов увольте. Вдруг он со мной дальше по-французски заговорит, а я не сумею ему потрафлять в такту…

– Господи! Да чему же вас в гимназии-то учили? Жарьте.

– Нет, уж я лучше так к ним подсяду и несколько слов по-русски об актере Петипа пущу. Все равно гости будут видеть, что я его не боюсь.

– Тогда вы вот что сделайте… Подведите его к роялю и сыграйте персидский марш.

– И в персидском марше я левой рукой перепутываюсь. Правая рука играет отлично, а левая как начнет переборы делать – сейчас не в то место и заедет. Да и зачем тут фортепьянная игра? Ежели я около вашего генерала сяду, то всякий будет видеть, что я его не боюсь.

– Фортепьянная игра образование ваше доказывает – вот зачем-с. Опять же, персидский марш – самому генералу почет.

– Ну вот еще, почет такому человеку!

– Какому-с?

– Да у них голова на манер шубы, съеденной молью.

– Это-то и шик-с. Ну-с, так это дело решенное… Теперь о вашем папашеньке. Им я завтра хочу большой альбом устроить.

– Это в каких же смыслах? – спросила супруга.

– За их здоровье за ужином не пить.

– Ах, Николя! Зачем же такой скандал?

– А зачем они пять тысяч твоего приданого жилят! Десять тысяч отдали, а пять ужилили. Надо же чем-нибудь им нос утереть.

– Да ведь папашенька тогда бунт поднимет.

– При генерале не посмеет. Вот поэтому-то я генерала и пригласил.

– Николя! Умоляю тебя!.. Брось эти коварные мечты! Мон шер Николя, оставь… – проговорила супруга и притянула мужа к себе.

– Уж только разве из-за ваших ласк и соглашаюсь на этот предмет. Но за то ты должна мне дать слово, что на другой же день после именин пойдешь к своему папашеньке и будешь выть и выпрашивать у него эти пять тысяч.

– Авек плезир, Николя.

Замесов улыбнулся.

– О, из меня можно черт знает что с французским языком делать! Веревки вить… Ей-богу, – сказал он. – Ты, Настенька, как пойдешь перед папенькой насчет пяти тысяч выть, ты так ему и скажи: Николя, мол, из-за этих пяти тысяч турецкие зверства надо мной делает.

– Да ведь ты не делаешь турецких зверствов.

– А ты скажи, что я делаю, что я тебя сапогом бью. Даже я так советую: как пойдешь к папашеньке, то расковыряй себе нос. «Вот он, мол, со мной из-за вашего жильничества какими поступками поступает». Из-за пяти тысяч на всякий предмет пойти можно. Надо же нам, Настенька, эти пять тысяч выгребсти. Пять тысяч – деньги. Сама разочти…

Супруга потупилась.

– Хорошо, я буду умолять папашеньку, – сказала она.

– Вы не умоляйте, а войте или, еще лучше, в бесчувственный обморок… – продолжал Замесов. – Как придете к родителям – сейчас за сердце схватитесь, бух посреди пола, ножками подрыгайте, а потом и лежите без внимания, как будто бы в вас и жизненности нет. Аристократические дамы отлично это делают… Им спирт в ноздрю суют – а они такие слова: «Ах, умираю!» Неужто родительское сердце не тронется? Ну, не даст папашенька сразу пять тысяч, так хоть пятьсот рублей даст. Пятьсот рублей возьмите, а на следующий день опять можно пустить, и уж обморок в сторону, а вместо оного истерику пущать. Тогда опять пятьсот рублей… Да так и действовать в этом направлении.

– А что такое истерика? – спросила супруга.

– Ее больше французинки пущают, когда им захочется бриллиантовую браслетку от воздахтора получить. Вот, бывало, Лифонсина… Понадобилось ей раз, чтобы по счету мадам Изомбар за платье было уплочено, – сейчас, это, она оглянулась, где стул стоит, бух на стул и начала выть и плакать на разные манеры… да в голос, как по покойнике… И до тех пор выла,

пока ей триста рублей на стол не положили. А как положили, сейчас встрепенулась, деньги за лиф, радостную улыбку состроила и такие слова: «Мерси, Николя, мон шьян, шьян»…

– Это она, мерзавка, перед тобой так? – сверкнула глазами супруга.

– То есть это почем же ты знаешь, что передо мной?.. – смутился супруг.

– Да ведь Николя-то – ты.

– Ну вот… Всяких Николя есть на свете как собак нерезаных. А просто я в посторонних смыслах видел такое междометие. Полно, друг мой Настенька…

– Подальше, подальше… Пожалуйста, не распространяйте ваших рук, – отодвинулась от мужа супруга.

– Ах, как это прекрасно! Восторг! Ревность… – проговорил супруг. – Вот, Настенька, ничем вы меня ко Дню ангела порадовать не могли, как только этой французистой ревностью с вашей стороны. Пожалуйте ручку поцеловать.

Супруг нагнулся к супруге. Та размахнулась и ударила его по щеке.

– Вот так коленкор с глянцем! – воскликнул супруг, остолбенел и стал чесать затылок.

Родственники на блинах

Купец Савел Макарович Хрусталев созвал на блины родственников. Пришли отец и мать Хрусталева – мелкотравчатые люди, обладающие где-то на окраине города небольшим черным трактиром и мелочной лавкой. Пришел тесть-старик – подрядчик по каменной кладке – и с ним старуха-жена его; приехал кум, крестивший ребенка у Хрусталева, – богатый железник; явился свояк с женой – арендатор нескольких бань. Встретились весело. Дамы чмокались в губы. В столовой был накрыт стол, уставленный бутылками и закусками. Тут и настойка всех сортов, и простяк очищенный, и селедка, и икра зернистая, и семга маслянистая, и сметана. Из кухни пахло чадом. Пекли блины. Хозяйка то и дело выбегала из кухни, раскрасневшаяся, с засученными по локоть рукавами, и возглашала:

– С чем кто хочет – с тем блины и будут! Только кушайте, гости дорогие! Всякой припеки наготовила. Кому с яичком – рубленые яички есть, кому с луком – и луку накрошила. Со снетками коли ежели кто пожелает – и снетки есть, с маком, с рыжичками можно.

– А с обойным гвоздем и с железными опилками нельзя, кумушка? – спросил кум-железник и сам захохотал своей шутке.

– Нет, уж извините, куманек, такой припеки не заготовила, – отвечала хозяйка.

– Ай да хозяюшка! Как же вы это такую хорошую припеку забыли? Неужто и с заклепками нельзя?

– Да ведь я, пожалуй, и за железными заклепками сейчас к вам же в железную лавку пошлю, а только вы не станете кушать, куманек.

– Ну так уж мне со снеточками.

– А мне, милочка, с лучком, да вели лучку-то побольше подбросить, да блинок-то поприжарь хорошенько, – сказала мать хозяйки. – Ну да тебя нечего учить, ты знаешь, как я люблю.

– Знаю, знаю, маменька, в самом лучшем виде испеку.

– Да приткнись ты! Полно тебе по кухне-то маяться! Мечешься как угорелая! – крикнул на жену хозяин. – Ведь не диво бы, если б у нас кухарки не было, а то слава те господи!.. Сядь, займись с гостями, а кухарка и испечет.

– Что наша кухарка! Она какая-то недвижимая остолопка, и все у ней из рук валится. Нет, надо самой. А вам, папашенька, с чем?

– Мне с семгой, дочка; семужки положи… – отвечал старик-отец.

Старик-свекор подмигнул свекрови и обидчиво сказал:

– А уж у нас-то с тобой, старуха, хозяйка даже и не спрашивает, с чем нам. Верно, не заслужили!

– Что вы, папашенька, помилуйте! – бросилась к свекру хозяйка. – Да я всем сердцем и всей душой… Я всех сразу спрашивала, ко всем с улыбками обращение делала.

– Ну-ну-ну… Пеки уж с рублеными яйцами! – ответил свекор.

– А мне уж, ежели я ни в чем перед вашими глазами не проштрафилась, так к яйцам-то и мачку присыпь, – ввернула легкую шпильку свекровь.

– Что вы, мамашенька, помилуйте!.. Да в чем же вы можете проштрафиться? Мы вас любим и уважаем со всем почтением.

– Знаю я это почтение-то!

– Напрасно так-с! Вам, Фирс Мироныч, с чем? – обратилась она к зятю-банщику.

– С молитвой буду есть. Так вы мне с молитвой и испеките. Жена тоже пустые блины любит. Мы уж здесь на столе приправки-то положим, – дал ответ зять.

– Одному папеньке со снеточками, другому папеньке с яичками, одной маменьке с лучком, другой маменьке с мачком… – начала пересчитывать по пальцам хозяйка. – Фирсу Миронычу, Даше… Всех, всех помню, – прибавила она и бросилась в кухню.

– Не со снетками мне, а с семгой! Вот как ты хорошо помнишь! – крикнул ей вслед отец. – Со снетками-то – это куму.

– Со всякой припекой сейчас будет готово!

– Папашеньки! Мамашеньки! Куманек любезный! Приступимте предварительно-то, пока там блины пекут! – возглашал хозяин и указал на стол с закуской. – Пожалуйте без церемонии и кто во что горазд… Какой сентифарис на кого ласково глядит – с того и начинайте… Дамы по мадеркам пройдутся. Свояк, тебе чего?.. Мы вот с тобой по рябиновой пройдемся. Наливай… Папашеньки! Чем вас просить прикажете? Пожалуйте оба вместе… Родитель с родителем… Так оно даже и подобает. Померанцевой для желудка?

– Окромя хрустального простяка ничего не буду пить, – сказал тесть.

– Ну и я с тобой на том же инструменте поиграю, – отвечал отец хозяина.

Все выпили по первой. Зажевали уста. Говор сделался шумнее.

– Ну-с, теперь по второй, чтобы не хромать! – предлагал хозяин.

Пропущена вторая. Чад из кухни усиливался все более и более.

– Скоро ли у ней там блины-то? – спросил хозяина тесть.

– Да ведь помилуйте, всем надо по характеру испечь, так нешто сразу возможно? Сонюшка! Скоро у тебя там? – крикнул хозяин жене в кухню.

– Сейчас, сейчас… – отвечала та. – И то уж в шесть сковородок бьемся, да вот некоторые подгорели.

– Давай какие готовы. С чем готово – с тем и неси! Папашеньки! Мамашеньки! Бог троицу любит, пожалуйте еще по рюмашечке… А тем временем блинки-то и поспеют.

Гости покобенились немного и выпили по третьей. Все говорили вдруг. Свекровь с тещей начали уж из-за чего-то считаться и ставили друг другу шпильки.

– Нет, уж позвольте… Вам-то я ни за что не уважу!.. Да и надобности нет… – слышались голоса.

Из кухни выбежала хозяйка с тарелкой блинов.

– Со снеточками… – проговорила она. – Позвольте, кто со снеточками просил? Куманек! Кажется, вы? Пожалуйте, со снеточками…

– А про отца-то родного и забыла! – сказал отец-тесть. – Ну, дочка! Ведь я с семгой просил.

– Сию минуту, папашенька, будут и с семгой готовы.

– Да уж сию минуту все-таки будет не тот канифоль. Куму-то небось подала.

– Уж вы извините…

– Знамо дело, не хлестать же тебя здесь по затылку.

– Ну что, папашенька, полноте!.. Вы у нас свой человек, а кум редким гостем считается, – успокаивал тестя хозяин. – Давай скорей с семгой-то! – крикнул он на жену. – Неси! Что рот-то разинула! Папашенька! Пожалуйте еще по баночке… Без четырех углов дом не строится.

В это время в столовую вбежала горничная с блинами.

– С яичной припекой… – сказала она, ставя тарелку на стол.

– Нам, нам… – проговорил свекор и придвинул тарелку к себе.

– Софья! Что ж это такое! – возвысил голос отец-тесть.

Хозяйка совсем растерялась.

– Да нельзя же, папашенька, всем разом… Ведь печка-то одна… – пробормотала она. – Ваши блины с семгой пекутся. Семга нескоро пропекается.

– Не отговаривайся, не отговаривайся… Все равно тебе никто не поверит. Отцовский-то вкус могла бы и раньше поставить в печь, – сказала ей мать-теща.

– Нет, видно, уж мужнина-то родня тебе слаще…

– Да и должна быть слаще… Ведь мы тоже не обсевки в поле, – отвечал отец-свекор.

– Да-с… И даже, можно сказать, завсегда должны в большем почете считаться, – поддакнула мать-свекровь.

– Ну, это еще буки-с… Старуха надвое сказала.

– Папашеньки! Мамашеньки! Пожалуйте еще по рюмочке. Будем теперь поверх четырех углов крышу крыть! – кричал хозяин, стараясь замять начинающуюся ссору, но тщетно.

Как на грех, из кухни снова выбежала горничная с тарелкой блинов и возгласила:

– Пожалуйте! Кому с луком?

– Мне, мне… А только после всего этого я и есть не стану, – отвечала мать-теща, бросила салфетку и отодвинулась от стола.

– Маменька! Ну, полноте вам… – подскочил к ней зять.

– Отчего же «полноте»? Я первая попросила у ней с луком, а она, извольте видеть…

– Да ведь и моей собственной маменьке для ее блезиру блины не готовы, так чего ж вам обижаться-то?

– Еще бы, зятек любезный, моя дочка да вздумала твоей маменьке раньше испечь!

– Позвольте… здесь у нас гости все равные…

– Никогда я не желаю здесь равной быть. Как я могу у дочери в гостях равной быть, ежели я ее девять месяцев под сердцем носила и родила.

– А мы хозяина здешнего дома родили и воспитали, чтобы он женился на вашей дочке, – отозвалась свекровь.

– Такой дряни и помимо вашего сына нашлось бы. Слава тебе господи! У ней женихов-то что собак нерезаных перебывало. Ведь мы не голую ее выдавали, а небось приданое дали. На наше приданое ваш сын и в ход пошел.

– Маменьки! Бога ради!.. Охота вам из-за всего этого?.. – умоляющим голосом восклицал хозяин.

– Ну, затеяли канитель! – махнул рукой кум.

– Вот и с яичной припекой на маковой присыпке, – проговорила появившаяся в дверях хозяйка. – Пожалуйте…

– Нет, уж не надо нам теперь этого добра, милушка, неси обратно, – с сердцем отпихнула от себя тарелку свекровь.

– Что это значит? Да как же вам не стыдно!

– Как ты смеешь стыдить меня, дрянь эдакая! – вскочила из-за стола свекровь. – Макар Денисыч! Идем домой! Нечего нам здесь с тобой делать! – крикнула она мужу.

– Да и нам вкус-от не велик после всего этого здесь оставаться, – проговорил отец-тесть. – Блинов-то с семгой просил-просил, да так и не допросился у дочки. Вставай, жена, и давай шапку разыскивать. Ну, прощай, дочка! Спасибо за угощение! Спасибо за блины.

– Папашенька! Да полноте вам!.. – бросилась к нему хозяйка.

– Брысь! Довольно уж ты надо мной накуражилась!

– Господи! Да что же такое! Из-за таких пустяков и вдруг эдакая ругательная механика… – разводил руками хозяин. – Папашеньки! Мамашеньки! Еще по рюмочке на мировую…

Но старики уже разыскивали свои шапки.

– Нога моя не будет в этом доме! – слышался в прихожей возглас родителей хозяйки.

– Да, уж мы этот денек попомним! – возглашали, в свою очередь, родители хозяина.

Хозяйка плакала.

В Палкином трактире

Две купеческие парочки только сдали свои парадные шубы на хранение швейцарам Палкина трактира и входят в первую буфетную комнату. Купеческие парочки – из молодых, нарядно одетые. Мужчины с маленькими подстриженными бородками. Один блондин, другой брюнет. У брюнета даже усы закручены в струнку. Оба держат в руках дорогие шапки: один – бобровую, другой – соболью. Жены идут рядом с мужьями. Жена блондина – курносенькая полная дамочка. Жена брюнета – востроносенькая субтильная дамочка. На обеих шляпки с приколотыми на них чучелами птиц.

– Салопы-то наши чернобурые не пропадут? Ведь за мой салоп папашенька с мамашенькой девятьсот тридцать рублей меховщикам Курышеву и Барышникову заплатили… – беспокоится востроносенькая дамочка.

– Ну вот… Здесь без опаски. А коли ежели что – Палкин заплатит, – успокаивает ее муж. – Насчет шуб жена у меня беспокоится, – обращается он к товарищу.

– Ах да!.. В самом деле… – спохватывается и курносенькая дама. – Ведь и у меня моя ротонда больше тысячи стоит.

– Будь, Глашенька, без сумнения… Господин Палкин всем домом своим отвечает, – говорит и курносенькой даме ее муж. – А домина у него, слава те господи, на две улицы.

К купеческим парочкам подскакивает лакей.

– Ежели желаете, можно в отдельный кабинет… У нас есть кабинеты свободные, – предлагает он.

– Вот те на! Люди из-за органного удовольствия пришли, чтобы музыкальную часть послушать, а ты в кабинет!.. – восклицает белокурый купец. – Нет, брат, уж ты веди нас к самому органу, да около него и столик нам спроворь. Мы из-за органа-то нарочно жен сюда от балаганов привели.

– Пожалуйте… Есть стол около самого органа, – говорит лакей и ведет их в большую залу.

Пары усаживаются за столом около органа. Лакей стоит в вопросительной позе.

– Прежде всего, чайку… – отдает приказание черноволосый купец. – Да поставь вал с колоколами. Там у вас с колоколами опера есть.

– Слушаю-с… С чем чай прикажете?

– Да нам-то можно с хмельной сыростью. Изобрази коньяку графинчик… А дамам со сливками, да собери этой самой кондитерской грызни по части сухоядения. Понял?

– Понял-с…

Лакей сверкнул фалдами фрака.

– Постой!

– Что прикажете?

– Мы там у швейцаров шубы оставили. Четыре шубы. Сохранны они будут?

– Помилуйте… Как же-с… Завсегда сохранны… Ведь под номер оставили.

– Нет, я к тому, чтобы не переменили как-нибудь по ошибке. Шубы-то у нас ведь очень дорогие…

– Будьте покойны-с… У нас никогда…

Лакей побежал.

– Ведь сомнение ты на меня навела насчет шуб-то… – заметил своей жене черноволосый купец. – Действительно, ежели все четыре шубы взять вместе – больше трех тысяч стоят.

– Что ты! Что ты! И все четыре тысячи с походцем… – сказал белокурый купец. – Женина бархатная ротонда на чернобурых лисах полторы тысячи стоит, да мои ильки с бобром – восемьсот пятьдесят. Вот тебе уж две тысячи триста пятьдесят. Ваша шуба, Анна Афанасьевна, сколько дадена? – спросил он востроносенькую даму.

– Девятьсот тридцать, да и то по знакомству.

– Ну, будем считать тысячу… Значит, три тысячи триста пятьдесят. Ну а твоя шуба? – обратился белокурый купец к черному.

– Мои ильки и бобры далеко лучше твоих. Они больше тысячи.

– Да… Как сказал, что четыре тысячи с походцем, так и вышло. Четыре тысячи триста… Шутка! Ведь это капитал. Домишко можно купить. Конечно, я не думаю, что их украдут, но ведь обменить могут как-нибудь по ошибке.

Востроносенькая дама вспыхнула.

– Что вы, Петр Захарыч! Вы меня пугаете! – проговорила она.

– Впрочем, нет… – успокаивал себя белокурый купец. – Здесь около вешалок народ аккуратный. И наконец, у нас номер от шуб.

– Да ведь номер-то один, а шуб-то под него сдано четыре, – возразил черный купец. – Чем докажешь, что мы четыре сдали?

– Ну, Бог милостив, – сказала востроносенькая дама.

Подали чай. Мужчины начали пить с коньяком, дамы пили со сливками и грызли чайное печенье. Орган так и гремел.

– Какова машина-то, Анна Афанасьевна? Что твой оркестр калегвардов! – сказал востроносенькой даме белокурый купец.

– Ну вас… Мне после ваших шубных слов и машина не в машину, – отвечала та. – Такое мнение, что просто ужасти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.